

Елизавета Дворецкая
СТОЯЧИЕ КАМНИ
Книга 1. Квиттингская ведьма

Корабль во фьорде

Елизавета Дворецкая

**Стоячие камни. Книга
1: Квиттинская ведьма**

«Автор»

1997

Дворецкая Е. А.

Стоячие камни. Книга 1: Квиттинская ведьма /

Е. А. Дворецкая — «Автор», 1997 — (Корабль во фьорде)

ISBN 5-9717-0330-7

Когда две державы стоят на пороге войны, любое неосторожное слово может послужить искрой, из которой разгорится пожар. А если это слово произносит прирожденная колдунья, сама не знающая своих сил и возможностей, то последствия и вовсе непредсказуемы. Дочь знатного человека Хёрдис поссорилась с молодым ярлом Хродмаром, родичем могущественного конунга, и навлекла на него и на его дружину опасную болезнь. И вот, чтобы отомстить ведьме, собираются войска и выходят в море корабли. Этой войне бушевать много лет, она затронет множество народов. В вихрь сражений вовлечены и боги – сам Один вручает конунгу чудесное Копье Властелина...

ISBN 5-9717-0330-7

© Дворецкая Е. А., 1997

© Автор, 1997

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Елизавета ДВОРЕЦКАЯ КВИТТИНГСКАЯ ВЕДЬМА

*Бдительный взор
каждому нужен,
где гневные быются;
придорожные ведьмы
воинам тупят
смелость и меч.
Старшая Эдда¹*

Глава 1

Большой серый пес выскочил из-под еловых лап, и Хёрдис резко обернулась, услышав за спиной его шумное дыхание. Она чуть не спросила, где он был, но из осторожности промолчала: возбужденный вид собаки говорил о том, что поблизости кто-то есть. Пес прыгнул к ней, потом опять отскочил, стал припадать на передние лапы, вилять лохматым хвостом и заглядывать в глаза хозяйке, призывая идти за ним.

– Что ты там нашел? – вполголоса спросила Хёрдис. – Что-нибудь съедобное? Это было бы неплохо! Но если опять лось, как в прошлый раз, то я с тобой не пойду.

Серый схватил ее зубами за подол и потянул.

– Пусти! – возмутилась Хёрдис. – Моя лучшая рубаха! Другой мне теперь до зимы не дадут! Ладно, ладно, я иду!

Она привыкла разговаривать с Серым: он был ее единственным другом и постоянным спутником. В усадьбе от них обоих было немного толку, и они целыми днями бродили вдвоем по лесам, иногда забираясь так далеко, что даже ночевать приходилось в лесу. Впрочем, домоладцы Фрейвида Огниво о них не беспокоились. Многие были бы даже рады, если бы однажды побочная дочь хёвдинга* вовсе не вернулась домой. За быстрый неслышный шаг, за дружбу с собакой и любовь к одиночеству, за неуживчивый, колючий нрав Хёрдис дочь Фрейвида прозвали Колдуньей, хотя колдовать она, к собственному большому огорчению, не умела.

Обрадованный пес отскочил и молнией кинулся в ельник. На бегу он изредка оглядывался и проверял, идет ли за ним Хёрдис. Собрав волосы и перекинув их на грудь, чтобы не цеплялись за ветки, она торопилась за Серым: ей и самой было любопытно, что такое он нашел. Рубаха из грубого серого полотна, некрашеное темно-серое платье и длинные темно-русые волосы делали Хёрдис незаметной среди лесных стволов, и незнакомый человек, столкнувшись с ней в лесу, скорее принял бы ее за хюльдру*, чем за живую девушку.

Вслед за Серым она вышла из ельника к морю. Пологий длинный откос, покрытый пестрой кремневой галькой, спускался к самой полосе прибоя. Неподалеку на юге темнел бурый утес, называемый Тюленьим Камнем. А с северной стороны быстро приближался незнакомый корабль. Ни у кого в ближней округе не было такого яркого паруса, бело-красного, с широкой синей полосой внизу. Окинув корабль цепким взглядом, Хёрдис отметила двадцать четыре или двадцать шесть скамей для гребцов, тюленью голову на переднем штевне*, искру позолоченного флюгера на верхушке мачты.

– Какой большой корабль! – протянула она, восхищенная этим зрелищем. – Посмотри, Серый, – к нам пожаловал какой-то знатный вождь! Смотри, как отважно он гребет мимо Тюленьего Камня, как будто и не слышал, что здесь надо приносить жертвы, если не хочешь приплыть напрямик на дно...

На носу корабля Хёрдис заметила двоих мужчин. Один выглядел уже немолодо, был плотным, над поясом с крупной блестящей пряжкой у него выпячивался толстый живот. Широкое круглое лицо с желтоватой бородой обрамляли две косы, что сразу указывало на принадлежность к племени фьяллей. Взгляд Хёрдис остановился на пряжке. С такого расстояния нельзя было определить, золотая она или бронзовая, но Хёрдис хотелось, чтобы она была золотая и тем оправдала ее завистливую неприязнь.

Потом она перевела глаза на второго фьялля, стоявшего рядом с толстым богачом. Этому на вид было не больше двадцати четырех – двадцати пяти лет. Он был не слишком высок ростом, но хорошо сложен; острые глаза Хёрдис мгновенно отметили очень красивое лицо с правильными чертами, длинные светлые волосы, зачесанные за уши и перевязанные через лоб вышитой золотой лентой. Мужчины фьяллей заплетают две косы над ушами, но этот оставил пряди распущенными, как видно желая похвалиться их красотой и блеском. На руке красавца, лежащей на борту корабля, блестело толстое золотое обручье, синий плащ был сколот на груди такой же крупной золотой застежкой, а под плащом виднелась красная рубаха. Крашеное платье в будний день, на море! Где же такое видано!

– Ты только посмотри, какой красавчик! – с восхищением и завистью бормотала Хёрдис, пристально оглядывая молодого фьялля, как будто целилась в него из лука. – Разрядился, как на пир Середины Зимы!* Или как будто едет свататься! Ну и дела! Хотела бы я посмотреть, как он во всей этой роскоши свалится за борт и его обнимет морская великанша!*

Ни себе, ни Серому Хёрдис никогда не призналась бы, почему вид молодого фьялля так ее раздосадовал. Ее злило и раздражало все желанное и недоступное, а недоступного ей на свете было так много! Такой красавец даже не поглядит на нее, а если и поглядит, то лишь посмеется над замарашкой с шершавыми руками, без единого плохонького украшения! Нет, он не для нее, не для Хёрдис по прозвищу Колдунья, не любимой ни одним человеком на свете. А раз так, то лучше бы его вовсе не было!

– Посмотрим, как такое нахальство понравится Большому Тюленю! – шипела она, следя за быстро скользящим кораблем. – Мимо него такие гордецы не плавают безнаказанно!

Корабль стал огибать Тюлений Камень. Хёрдис провожала его глазами, словно взгляд ее был привязан к кораблю и не мог оторваться. Казалось бы, что ей за дело до чужого корабля, который всего-то навсего идет мимо побережья Квиттинга и даже не думает здесь приставать? Но вид его заставил ее сердце биться чаще, как всегда при виде чего-то нового и необычного, не привязанного к скучной домашней повседневности. Корабли уходили в неведомые дали, а она стояла на берегу, словно прикованная к этим бурым скалам, угрюмым ельникам, к своей заурадной, скучной, подчиненной чужим правилам жизни.

В детстве Хёрдис любила воображать себя драконом, наводящим на всех ужас, способным наложить когтистую лапу на все, что понравится! Теперь Хёрдис было уже двадцать лет, и она знала, что драконов на самом деле не бывает. Она знала свое место на свете, знала и то, как мало ей в этом мире причитается, но желания ее от этого не уменьшались. Почему люди носят красивые одежды, ходят в далекие походы, беседуют с конунгами*, сочиняют висы*, а ее, Хёрдис, дочь рабыни Йорейды, всё хотят привязать то к прялке, то к ткацкому стану, то еще к какому-нибудь скучному делу! «Если бы Хёрдис родилась мальчиком, она давно сбежала бы к какому-нибудь морскому конунгу!» – часто говорила фру Альмвейг.

Хёрдис очень жалела, что не родилась мальчиком. Для мужчин в мире гораздо больше возможностей, даже если они рождаются побочными детьми знатного человека от рабыни и имеют не слишком приятный нрав. У них есть оружие, чтобы постоять за себя. А она чем вооружится? Веретеном? Тролли* бы их всех взяли! Будь она драконом, с каким удовольствием она съела бы этот корабль с ярким красно-бело-синим парусом и смешной тюленьей мордой на переднем штевне!

– Пойдем, Серый, посмотрим, – может, они на той стороне Камня вспомнят о жертвах! – пробормотала она, не отрывая глаз от корабля.

Серый не ответил. Хёрдис ловко спрыгнула с выступа скалы и со всех ног кинулась сквозь чащу ельника через мыс, чтобы снова увидеть корабль с другой стороны Тюленьего Камня. Пес бросился за ней.

– Пожалуй, Хродмар, не стоит здесь приставать к берегу! – Модольв Золотая Пряжка обернулся к племяннику. – Здесь слишком много волков. Я только что видел одного. Так и бегает среди бела дня!

– Это не волк! – ответил ему Хродмар, провожая глазами неясное движение на берегу. Ему померещилась невзрачная фигурка в серой одежде, но она так быстро промелькнула, что он не взялся бы сказать, человек это был или тролль. – Там была большая собака. Она похожа на волка, но у нее хвост кверху и уши висят. И с ней девчонка. Видно, рядом пастухи со стадом.

– Значит, где-то близко жилье. А возле жилья всегда есть вода. Надо все-таки поискать.

«Тюлень» обогнул береговой выступ, и в показавшейся ложбине Хродмар заметил среди темных еловых стволов несколько светлых пятен ольхи.

– Посмотри, родич! – Он кивнул в сторону берега. – Вон в расселине растет ольха – наверняка там течет ручей.

Модольв сделал знак гребцам, и «Тюлень» подошел к берегу.

– Я сам! – Хродмар сбросил на скамью плащ и подошел к борту. – Сбросишь мне бочонки.

Встав на скамью, он поставил ногу на борт и уже готов был перепрыгнуть на песок, как вдруг почти над головой его раздался вызывающий женский голос. Он прозвучал как крик чайки, и Хродмар не разобрал слов.

Подняв голову, он увидел на каменном выступе, нависшем над песчаной площадкой, ту серую фигуру, которую мельком заметил на другой стороне мыса. Вцепившись в ствол толстой старой ели, над кораблем склонилась девушка лет двадцати, до самых колен окутанная густыми волнами темно-русых волос. Она была довольно высокой и крепкой, на бледном лице выделялись резко очерченные черные брови. Возле нее стояла большая серая собака с висячими ушами, и эта странная парочка больше всего напоминала ведьму и ее верного скакуна-волка ².

– Чего тебе здесь надо? – крикнула девушка. – Что это такому знатному господину понадобилось на нашем бедном берегу?

Хродмар смерил ее пренебрежительным взглядом. Если она и не ведьма, то рабыня или служанка. Он вообще не стал бы ей отвечать, но ее дерзость показалась ему даже забавной.

– Я сам знаю, что мне надо! – небрежно ответил Хродмар. – И я не буду у всякой ведьмы спрашивать позволения!

– Ай, какие мы гордые! – восхитилась девушка. – Видно, род свой считаем по головам от самого Хеймдалля! ³ Смотри – кто очень высоко задирает нос, часто падает в лужи! – с мнимой заботливостью предупредила она и усмехнулась.

Усмешка у нее была странная: правая половина рта и правая бровь дернулись вверх, а левая половина лица осталась почти неподвижной. Казалось, она хочет удержать усмешку, но половинка ее все-таки прорвалась наружу.

– Как бы тебе не упасть самой! Слишком высоко ты забралась! – крикнул Хродмар.

Чтобы видеть ее, ему приходилось задирать голову, и это было досадно: Хродмар сын Кари не привык смотреть на кого-то снизу вверх. Тем более на таких замарашек!

² По скандинавским поверьям, ведьмы ездят верхом на волках.

³ Имеется в виду миф, согласно которому бог Хеймдалль (возможно, Один) обошел все человеческие жилища и дал начало всем сословиям.

Хёрдис видела, что сумела раздражить его, и гневный блеск этих голубых глаз, сердито сдвинутые брови улаживали ее душу. С высоты крутого склона фигура фьяллы выглядела маленькой, и Хёрдис сама себе казалась великаншей, которой ничего не стоит растоптать этот корабль, как яичную скорлупку, раздавить этого заносчивого красавца, как червяка. Ах, почему же она не дракон!

– Да уж конечно, тебе сюда не добраться! – издевательски крикнула Хёрдис. – Смотри, знатный ярл*, не порви твою цветную рубаху о здешние камни! Недолго тебе в ней красоваться! Я даже не думаю, что ты успеешь сносить ее до конца! Мимо Тюленьего Камня никто не проплывает просто так! Здесь положено приносить жертвы Большому Тюленю, а иначе он потопит ваш корабль!

– Наш корабль сам зовется «Тюленем»! – со смехом крикнул Модольв и указал на штевень. – Не захочет же он погубить своего родича!

– Жертвуйте сами своим камням! – смеясь, выкрикивали фьяллы на корабле.

– А мы можем пожертвовать парочку старых башмаков!

– Уж не ты ли служишь этому грозному духу?

– Да уж он будет погрознее вашего беззубого тюленя! – отвечала Хёрдис.

Хродмару быстро надоела эта перебранка, но и прыгать на песок на глазах у растрепанной ведьмы не хотелось. Похоже, у нее дурной глаз, и лучше бы им здесь не подходить к берегу. Но позорно бежать на глазах у наглой твари он не мог себе позволить. Кто-нибудь из дружины дома проболтается об этом случае, и его засмеют!

– Уходи отсюда, дочь троллей! – крикнул он. – Или я тебя саму брошу в воду у вашего Тюленьего Камня! Посмотрим, не откажется ли он от такой завидной жертвы!

– Смотри – как бы тебе самому не искупаться! – быстро ответила Хёрдис.

Будто наяву она представила, как светловолосый красавец срывается с борта, кувырком летит в пляшущие волны, скрывается под ними и только бочонок скачет на воде там, где только что была его голова... Со всей страстью своей жадной и беспутной души Хёрдис хотела этого, даже сжала кулаки от жгучего желания... Ее воображение было живее самой жизни, и дикий порыв души подхватил видение таким мощным потоком силы, что...

Крики изумления и тревоги взмыли над кораблем, заглушив даже шум прибоя. Хродмар встал из воды, мокрый с головы до ног, нарядная рубаха прилипла к телу, вода лила с него ручьями обратно в море. А Хёрдис восторженно взвизгнула, подпрыгнула на месте, захлопала в ладоши, переполненная восхищением и счастьем сбывшейся мечты. Единственное, что она умела лучше всех, – это хотеть, страстно желать чего-то и отдавать этому желанию все силы души. Может быть, потому ей и удавалось даже то, что удаваться не должно.

Но долго радоваться ей не пришлось. Осознав, что произошло, Хродмар одним прыжком оказался на берегу, неуловимо быстрым движением выхватил нож и метнул его в Хёрдис. Стальное лезвие свистнуло мимо ее виска, щеку обдало холодом, а душу – ужасом. Вскрикнув, Хёрдис отшатнулась, а нож вонзился в ствол ели, пригвоздив прядь ее волос.

Фьяллы на корабле кричали. Хродмар кинулся вверх по береговому склону. Башмаки скользили по камням, песок под ногами осыпался, мокрая одежда мешала движениям, но яростный порыв и жажду добраться до ведьмы ничто не могло остановить.

Хёрдис рванулась, жмурясь от жгучих слез боли, схватила рукоять ножа и изо всех сил дернула. Нож поддался, Хёрдис вырвала его из ствола, освободила волосы и бросилась бежать. Темный ельник сомкнулся за спиной, колючая стена мелких елок расступилась, пропуская ее. За ней мчался Серый, иногда оборачиваясь к врагам и с яростным лаем припадая к земле.

Тяжело дыша, Хродмар вскарабкался на выступ, на котором стояла ведьма, и в изнеможении уцепился за ствол. Весь в песке, налипшем на мокрую одежду и волосы, сейчас он сам напоминал скорее тролля, чем одного из первых щеголей и красавцев Аскефьорда, украшение пиров в гриднице* Торбранда конунга.

В темном чешуйчатом стволе виднелась щель от ножа, к желтым каплям смолы пристала тонкая отсеченная прядь темно-русых волос. Еловые лапы еще качались, но на плотном зеленом мху и на рыжей хвое не остается следов. Ведьма исчезла, как дух, растворилась среди елей, словно ее и не было, ушла под мох и камни, и только ветер носил в отдалении лай ее пса.

– Догони ее, Хродмар! – кричали гребцы с корабля. – Покажи этой троллихе, как приставать к мужчинам!

Но Хродмар плюнул под ноги и стал спускаться к полосе прибоя. Еще чего не хватало – бегать за такой дрянью! Ему и так было нестерпимо стыдно за эту дурацкую перебранку, за свое падение – никогда еще ему не случалось срываться за борт так некстати! – за промах и эту глупую погоню. Узнает Асвальд Сутулый – проходу не даст своими насмешками.

– Ничего, Хродмар! – Добрый Модольв дружески потрепал племянника по мокрому плечу. Он знал, что сын его сестры отличается очень чутким самолюбием. – Говорят же: ничего нет сильнее, чем злые чары! У девчонки глаза ведьмы! Будем надеяться, что этим мы и отделаемся!

И он сотворил знак молота над собой и над раздосадованным Хродмаром.

В расселине действительно оказался ручей. Набрав воды, «Тюлень» двинулся дальше. Но едва он отошел от берега, как на каменном выступе снова появилась ненавистная фигурка с серой собакой у ног.

– Недолго будет ваш путь! – кричала ведьма вслед «Тюленю». – Вы не найдете ничего, что ищете, а найдете свою смерть! Скоро, скоро из тебя вырастет дерево, о славный метатель ножа!

– Поди назад в подземелья, ведьма! – крикнул Хродмар, не в силах сдержать досаду. – Там тебя заждались все тролли! А мне больше не попадайся! Не уйдешь живой, клянусь!

– Не очень-то я боюсь тебя и твоих беззубых угроз! – отвечала Хёрдис, подняв руку с зажатым в ней ножом Хродмара и издевательски помахивая им.

Хродмар отвернулся. Мало того что осрамился на глазах у всей дружины, так еще и такой хороший нож пропал! Подарок конунга, между прочим! Из добычи прошлого лета, привезенной с Зеленых островов!

– Здесь, на Квиттинге, все женщины – ведьмы! – крикнул со своего места кормчий Вестмар, желая его несколько утешить. – От них надо держаться подальше.

– Такой нож был! – Хродмар в досаде ударил кулаком по борту. – Что я конунгу скажу, если спросит, куда он делся?

– А ты ему скажешь – твой зуб кольчуги ⁴ укусил ведьму, а она была такая костлявая и жесткая, что он застрял в ее костях!

Гребцы на ближних скамьях рассмеялись, Хродмар тоже заставил себя улыбнуться. Но ему было невесело: перед глазами стояло лицо ведьмы со странной, половинчатой усмешкой. «Не очень-то я боюсь тебя и твоих *беззубых* угроз!»

Не оборачиваясь, он спиной чувствовал: длинноволосая ведьма все так же стоит на вершине утеса, издевательски размахивая его ножом.

Красно-белый парус с синей полосой скрылся вдали. Проводив его взглядом, Хёрдис подошла к самому краю Тюленьего Камня и посмотрела вниз, на серо-зеленые волны, пляшущие внизу прямо под ней. Здесь было страшно, голова кружилась от высоты. Но Хёрдис очень нравилось стоять на самом краю: она забывала весь человеческий мир, глядя в глаза морских великанш, и казалась себе такой же сильной и свободной, как они.

– Эй, Большой Тюлень! – закричала Хёрдис, обращаясь к волнам, и голос ее разлетелся над берегом, как пронзительный крик чайки. – Большой Тюлень! Ты слышишь меня?

Вглядываясь в воду, она ловила ухом далекие звуки.

⁴ Кеннинг ножа и вообще клинка.

Под самым Камнем волны вдруг забурили сильнее.

– Большой Тюлень! – снова закричала Хёрдис. – А ты видел тот фьялльский корабль, на котором плыло полсотни наглецов? Они ходили возле твоего Камня, они набрали воды из твоего источника, а про жертвы даже и не вспомнили! Не забудь о них, когда они поплывут назад! Вот что они оставили тебе вместо жертвы!

И Хёрдис с размаху бросила в воду нож Хродмара. Нож с бронзовой позолоченной рукоятью, когда-то принадлежавший одному из уладских королей, упал с громким плеском, вода яростно взметнулась, огромный пенный язык жадно лизнул Камень, достав до половины его высоты. А Хёрдис радостно засмеялась, запрыгала на месте, хлопая в ладоши. Ей было не жаль расстаться со своей драгоценной добычей – морской дух, хозяин западного побережья Квиттинга, услышал ее.

Ранним утром десятилетний Хар, самый младший из детей Фрейвида Огниво, прибежал во двор с важной новостью. На песчаную отмель вынесло кита!

Усадьба – Прибрежный Дом – тут же пришла в движение. На южной половине Квиттинга киты были редкими гостями, и следовало торопиться, пока богатую добычу не перехватили соседи. Все повседневные дела были мгновенно брошены, мужчины доставали большие ножи, женщины тащили из сарая корыта и бочонки.

Сам Фрейвид хёвдинг вышел из спальни, где над постелью висело все его оружие, с большим гарпуном в руке. Хозяин усадьбы был не очень высок, но силен, плечи его казались несомерно широкими, а голова маленькой. Ему едва исполнилось пятьдесят лет, и в рыжеватых кудрях и бороде блестели серебристые седые пряди. Высокий выпуклый лоб Фрейвида говорил о незаурядном уме, блекло-голубые глаза смотрели твердо и властно. При появлении хозяина суэта и гомон на дворе притихли, каждый из работников прямо-таки источал усердие и деловитость.

– А кит еще жив? – окликнул хёвдинг младшего сына, который в кружке женщин повествовал о своей находке.

– Жив! Вот такие пузыри пускает! – Хар раскинул руки так широко, как только смог. Все вокруг засмеялись.

– Пузыри! Скажешь тоже!

– Сам ты пузырь! – Старший брат, Асольв, мимоходом потрепал Хара по затылку. – Охотник!

– Да ну тебя! – обиженно отмахнулся Хар и с надеждой посмотрел на Фрейвида: – Хёвдинг! Я пойду с вами, ладно?

Мимоходом кивнув, Фрейвид заговорил с одним из работников.

Асольв ушел в дом за острой, а Хар деловито устремился к жене управителя, Хильдигунн, раздававшей деревянные ведра.

– А ножа я тебе не дам! – непреклонно отвечала та на просьбы мальчика. – Что положат, то и понесешь! Да смотри не лезь к киту, пока он еще жив! А не то как даст хвостом, от тебя одна лужа останется!

– Идите, идите! – со смехом кричала Хёрдис Колдунья, почему-то оказавшаяся сегодня дома. – Какой удачный день для морской охоты! Вас ждет богатая добыча! Вместо одного кита вы найдете сразу двух!

– Двух? – Хар повернулся к ней и вытаращил глаза: – Откуда второй? Разве ты его видела? Где?

Ему уже было обидно, что кто-то другой нашел добычу не хуже, чем у него.

– Да нет, зайчик мой, не слушай ее! – Мать, одна из служанок, ласково погладила его по затылку. – Не слушай ее, она все врет!

Хёрдис только расхохоталась в ответ.

На шум из девичьей вышла ее сводная сестра Ингвильда. По старшинству она была среди детей Фрейвида Огниво третьей – ей исполнилось восемнадцать лет, – но она же считалась некоторым образом старшей и единственной, поскольку единственная из четырех детей хёвдинга родилась от его законной жены, фру Альмвейг. Ее называли йомфру* Ингвильда – в отличие от Хёрдис, которая была просто Хёрдис, и все. О своих детях от служанок Фрейвид думал очень мало и лишь с Ингвильдой связывал все честолюбивые надежды. Только она может ему породниться с каким-нибудь богатым и знатным родом, чтобы еще больше усилить вес и влияние своего рода. И только ее будущим детям Фрейвид хёвдинг собирался завещать обе свои усадьбы и все богатства. Словом, Ингвильда дочь Фрейвида была одной из лучших невест на Квиттинге – как родом и приданым, так и красотой.

– И ты появилась, госпожа Белые Руки! – завидев сводную сестру, язвительно окликнула ее Хёрдис. – Неужели ты собралась на китовую охоту? Смотри, как бы тебе не испачкать твое нарядное платье!

Ингвильда посмотрела на нее, но ничего не ответила. Она привыкла, что от Хёрдис не дождешься доброго слова, но сама отличалась спокойным нравом и никогда не вздорилась со злючкой, хотя поводов к тому было множество.

Толпа работников с хёвдингом во главе уже выходила из ворот усадьбы, счастливый Хар бежал впереди, показывая дорогу. Ингвильду вдруг потянуло вслед за ними. Она бросила взгляд на Хёрдис, но та уже отвернулась, делая вид, что вся эта суэта ничуть ее не занимает.

Ну и пусть ее. Махнув рукой, Ингвильда заторопилась за отцом.

Поспешные сборы оправдали себя – соседи не успели обнаружить кита, и люди из Страндхейма оказались единственными обладателями славной добычи. Работники разделяли тушу и укладывали мясо и жир в бочонки и корыта, хирдманы* стояли на страже, а хозяин наблюдал за работой. Предосторожности, пожалуй, были излишними: раз уж Фрейвид Огниво успел к добыче первым, едва ли кто-то из соседей попытается оспорить ее. Этот человек почти единовластно повелевал западной четвертью страны, и на тинге* его слово было решающим – благодаря как властной уверенности хёвдинга, так и многочисленной толпе дружины, работников и сторонников.

Конечно, Ингвильде на разделке туши было нечего делать: она только хотела убедиться, что кит на отмели один и Хёрдис опять что-то выдумала. Поглядев немного на работу, она пошла немного пройтись вдоль берега.

Неподалеку от отмели стоял продолговатый черный камень чуть выше человеческого роста. Про него говорили, что это темный альв*, окаменевший от солнечных лучей, и за неимением поблизости настоящего святилища к этому камню в дни праздников приносили жертвы. Еще он служил одним из двух «смотрельных камней», младшим из пары. Если встать возле него и смотреть на восток, то вдали, на соседнем береговом выступе, увидишь черное пятно стоячего валуна – второго, старшего «смотрельного камня». Когда солнце взойдет точно над ним – значит, настал день Середины Лета*.

И день этот был уже недалек.

Ингвильда любила эту пару стоячих камней и часто приходила к ним. Для нее они воплощали точки опоры во времени, текущем незаметно и непрерывно. Сами боги поставили их здесь, чтобы люди не потерялись во времени и пространстве. Стоячие камни отмеряют бурное течение лет, следят, как все меняется вокруг них, но сами остаются неизменными. Возле них царит неподвижная Вечность, а беспокойно бегущее время остается за незримыми воротами, очерченными прохладной тенью. Камни молчат, но они все видят, все слышат и все запоминают. Навсегда, пока стоит мир. Каждый из священных камней казался Ингвильде тайным входом в особое скрытое пространство, и плотность их была в ее глазах только хитро скрытой пустотой прохода. Гладкая черная поверхность таила под собой иной мир, и у Ингвильды все-

гда замирало сердце, когда она прикасалась к камню, – как знать, не откроется ли ей однажды дорога в неведомое?

Подойдя к младшему камню, Ингвильда приветливо погладила его черный гладкий бок, нагретый солнечным теплом. Ведь говорят же, что каждая человеческая душа живет сначала в камне, потом в растении, потом в животном и только потом переходит в человека, чтобы оттуда, после нескольких жизней, перейти еще выше – в такие дали, о которых имеют представление только боги. При виде черной глыбы ей всегда приходило в голову, что и ее собственная душа когда-то жила в таком же камне. А может, и сейчас в нем живет душа, ждущая своего воплощения. В детстве Ингвильда всегда здоровалась с камнем и с замиранием сердца ждала, что он ответит. Голос у него, должно быть, низкий, гулкий... Взрослой девушке разговаривать с валуном вслух было неловко, но и сейчас Ингвильда мысленно произнесла, улыбаясь и снова чувствуя себя маленькой: «Здравствуй, Камень!» Да и разве не была она ребенком по сравнению с ним?

Золотой луч, упавший меж сосновых ветвей, ласково скользнул по ее маленькой руке, чуть тронутой первым легким загаром, заблестел на светлых золотистых волосах. Черты лица Ингвильды были правильными и мягкими, и оно было бы красивым, но красоту портило замкнутое, высокомерное выражение, из-за чего девушка казалась угрюмой. В округе дочь Фрейвида хёвдинга считали гордячкой, хотя все признавали, что гордиться собой у нее есть все основания. На самом деле она была скорее застенчивой и никому не доверяла по-настоящему. В этом она была настоящей дочерью своего отца, который тоже никому не верил. Но сердце у Ингвильды было доброе, она мечтала о семье, как всякая обычная девушка, да только никто из тех женихов, кто сватался к дочери Фрейвида хёвдинга, не нравился ей. Ингвильда была достаточно умна и понимала, что всех этих людей привлекают только ее богатое приданое и знатный род. Но чего же она хотела? О своих мечтах она никогда не болтала с другими девушками, и за это ее считали холодной. Но несмотря на эту сдержанность, в ней чувствовалась большая внутренняя сила, и даже Хёрдис в глубине души уважала сводную сестру.

Позади послышались торопливые шаги, скрип мелких камешков под чьими-то сапогами. Обернувшись, Ингвильда увидела Вильмунда – сына конунга квиттов Стюрмира. Он воспитывался в доме Фрейвида⁵, но прошедшей зимой ему исполнилось семнадцать лет, и отец вот-вот должен был вызвать его к себе, в усадьбу Конунгагорт, что на озере Фрейра*.

А Вильмунду совсем не хотелось покидать семью, в которой он прожил восемь лет, со времени смерти матери, и к которой привык гораздо больше, чем к собственному отцу и мачехе. Срок его отъезда еще не был назначен, но гонцов от конунга ждали, и молодой наследник ходил с унылым чувством, что вот-вот его должны увезти из родной семьи в чужую. При чем навсегда. Но свои страдания Вильмунд тщательно скрывал от посторонних глаз – Фрейвид сумел внушить ему, что мужчине, а тем более конунгу, не пристало слабодушие.

– Вот ты где! – воскликнул он, подойдя к Ингвильде и как бы случайно накрыв ладонью ее руку, лежавшую на камне. – Я так и знал, что ты пошла сюда!

Ингвильда улыбнулась и убрала руку. Она ничуть не сомневалась, что Вильмунд искал ее, причем поиски не составляли труда, потому что все ее любимые местечки он знал наперечет. Стройный худощавый Вильмунд возвышался над ней больше чем на голову. Его чуть вытянутое лицо с тонким носом и узкими зеленоватыми глазами еще хранило почти детскую свежесть и нежность кожи, но развитые плечи и сильные руки говорили о том, что он не зря провел эти годы у своего воспитателя и вполне готов встать на носу своего собственного боевого корабля.

⁵ У знатных людей было в обычае отдавать своих детей на воспитание на сторону. В основном отдавали мальчиков, но иногда и девочек тоже. При этом считалось, что человек более низкого положения в обществе воспитывает ребенка более знатного человека, и на этот счет даже была поговорка: «Кто кому воспитывает ребенка, тот из двоих и младший». Один конунг ухитрился обманом посадить своего сына на колени другому конунгу, что означало передачу на воспитание, и тем самым утвердил свое более высокое положение и даже право брать дань.

– Посмотри! – Ингвильда показала на небо. – Видишь, солнце уже не так далеко от старшего Камня. До Середины Лета осталось меньше месяца.

Вильмунд с обидой нахмурился.

– Зачем ты так говоришь? – упрекнул он Ингвильду. – Как будто радуешься, что я так скоро уеду от вас!

– А ты разве не радуешься, Вильмунд ярл? ⁶ Подумай – меньше месяца пройдет, как у тебя будет своя дружина, боевой корабль с позолоченным штевнем, красивый парус... Помнишь парус, тот, красно-синий, что я ткала зимой? Отец решил подарить его тебе на удачу. Ты поплывешь в чужие страны, победишь там много врагов, добудешь много богатства и славы. И со временем тебя станут называть Вильмунд конунг. Разве ты не рад?

– Я-то рад, – уныло ответил Вильмунд, которому внушили, что именно об этом он и должен мечтать, и снова взял Ингвильду за руку. – Но я бы хотел, честно говоря, получить иной подарок... кроме паруса... Более драгоценный и желанный для меня, – несколько неловко закончил он.

– Вот уж не знаю, что еще мы могли бы тебе предложить? – Ингвильда развела руками, хотя на самом деле догадывалась, что он имеет в виду.

Да и трудно было бы не догадаться. Они восемь лет прожили в одном доме, а скрывать свои истинные чувства Вильмунд умел гораздо хуже, чем ему хотелось бы.

– А тебе совсем не жаль со мной расставаться? – спросил он, стараясь с высоты своего роста заглянуть ей в глаза.

– Ты так говоришь, как будто собираешься в первом же походе завоевать какую-нибудь далекую землю и остаться в ней навсегда! – Ингвильда усмехнулась, не торопясь ловить его взгляд. – Мы же будем видеться с тобой. Ты будешь приезжать к нам, гостить, и на тингах мы будем встречаться. Отец же говорил, что всегда будет рад тебе, что для тебя и твоих людей всегда найдется место в нашем доме, и здесь, и в Кремнистом Склоне. На осенний тинг мы обязательно поедem. Так что мы даже не успеем как следует соскучиться, как снова увидимся на Остром мысу.

– Осенний тинг... – с досадой начал Вильмунд. Несколько месяцев, оставшихся до этого события, представлялись ему вечностью.

– И я уверена, что ты будешь далеко не так рад этой встрече, как тебе представляется сейчас.

– Не рад? Почему? – Вильмунд даже возмутился. – Я буду не рад? Да я буду ждать этого как... как... как ничего другого на свете!

– Это тебе сейчас так кажется. Но в первом же походе тебе откроется совершенно новый мир, – отчасти мечтательно ответила Ингвильда. Ее-то никакой новый мир не ждал ни через месяц, ни через год. Самый главный «поход» ее грядущего состоял в переезде в дом мужа. Где ей и предстояло, несмотря на ум, красоту и знатность, провести жизнь между очагом и кладовками, точно как и любой из рабынь, некрасивых и глупых. – Ты наберешься совершенно новых впечатлений, узнаешь новых людей, узнаешь, как живут люди в совсем-совсем других странах...

– Я не хочу никаких других стран и людей! – крикнул Вильмунд, почти в отчаянии, что она не понимает его. – Я хочу навсегда остаться... с тобой, – тихо окончил он и снова взял ее за руку.

Но Ингвильда тут же вынула пальцы из его горячей, влажной от волнения ладони.

– Хватит, Вильмунд сын Стюрмира, ты уже не маленький! – сказала она и строго взглянула ему в глаза. – Ты родился конунгом, и тут уже ничего не переменишь, нравится тебе

⁶ Собственно, ярл – военачальник или доверенное лицо конунга, но здесь слово используется как титул наследника престола.

твоя доля или нет. Лучшая участь для конунга в том, чтобы побеждать своих врагов, а лучшая смерть для него – на поле битвы. И я не смогу тобой гордиться, если ты будешь думать только о том, как бы избавиться от походов и посидеть подольше возле моей прялки.

Вильмунд смотрел ей в глаза, как зачарованный, и почти не слышал, что она ему говорит: брови Ингвильды были густыми и очень темными, ярко оттеняя голубые глаза. Стоящая возле черного камня, освещенная солнечным лучом, девушка казалась волшебной-прекрасной и загадочной, как светлый альв*. Вильмунд любовался ею, едва вникая в смысл того, что она говорила. Сильнее власти конунга и славы воина его влекла она, Ингвильда дочь Фрейвида, и ее любовь была желаннее самой богатой добычи.

Но этой-то любви вовсе не отражалось в ее глазах, и Вильмунд со стыдом опустил голову.

– А если я... – торопливо заговорил он, стремясь оправдаться. – Если я сделаю все это, пойду в походы, одолею много врагов, возьму добычу, ты тогда...

Ингвильда взмахнула руками, пытаясь заставить его замолчать, но он схватил ее за оба запястья и поспешно продолжал:

– Когда я стану конунгом, ты будешь моей женой?

– Замолчи! – воскликнула Ингвильда. – Не смей об этом говорить! Ты еще ничего не сделал, чтобы говорить о женитьбе. У твоего отца могут быть совсем другие мысли на этот счет. И незачем зря сотрясать воздух такими словами.

– Но я на все готов ради тебя!

– Ты должен быть готов на все *ради себя* и своей славы, ради того, чтобы твои потомки могли гордиться твоими подвигами и брать с тебя пример. Понимаешь?

– Понимаю, – со стыдом ответил Вильмунд, но на самом деле не понимал.

Ингвильда относилась к его пылким чувствам как к безделице – ведь любовь между воспитанником и дочерью воспитателя (или наоборот) случается сплошь и рядом, но в большинстве случаев быстро забывается в разлуке. Она была уверена, что впечатлительный и немного легкомысленный Вильмунд забудет ее в первом же походе. И не собиралась об этом жалеть. Нет, не таким был возлюбленный, чей образ таился где-то в душе, так глубоко, что она и сама не могла толком его разглядеть. В одном она была уверена – его, будущего господина своей судьбы, она пока еще не встретила.

Но когда же он наконец появится? Она не отвечала на любовь Вильмунда, а его пылкость рождала в ней тоску и томление, которые вовсе не были ответным чувством. Она так красива и достойна любви – но некому подарить это счастье, некого согреть этим огнем, что горит в груди и жжет, не находя применения! Кругом лето, везде зелень и цветы, солнце блестит на волнах, и кажется, что счастье так близко – только оглянись, а оно стоит за плечом...

Но за плечом лишь томился вздыхающий Вильмунд, и Ингвильда тайком посмеялась сама над собой. Пока нет того, что любишь, можно бы полюбить то, что есть. А вот она не хочет почему-то!

В раздумье Ингвильда бросила взгляд в сторону моря и вдруг ахнула. Вильмунд тоже обернулся. Возле черного пятна старшего «смотрельного камня» в воде покачивался чужой корабль с убранным парусом. Они и не заметили, как он появился из-за мыса.

Забыв, о чем говорили, Ингвильда и Вильмунд рассматривали лангскип*, явно пришедший издалека: в их округе такого не было. Он как-то нелепо покачивался возле берега, собираясь то ли пристать, то ли плыть дальше. Его весла вяло шевелились в воде, как лапы дремлющей утки.

– Что это? – Ингвильда бросила на Вильмунда удивленный взгляд. – Чей это корабль?

– Я его раньше не видел. – Вильмунд пожал плечами. – С юга идет.

– Они что там, заснули? Они думают плыть или приставать?

– Не знаю...

Ингвильде вспомнилось пророчество Хёрдис о двух китах. В самом деле, корабль без признаков жизни чем-то напоминал полуживого кита, беспомощного даже в родной стихии.

– Пойдем-ка посмотрим! – решила Ингвильда и первой направилась вниз по берегу, к чернеющему вдали старшему камню.

Вильмунд послушно шел за ней.

– Колль! Торд! Да что же вы! – Устав от бесполезных призывов, Модольв Золотая Пряжка остановился под мачтой и горестно развел руками. – Нас выбросит на камни! Вестмар! Да хотя бы ты...

– Рад бы... да вот что-то... меня тоже... – тяжело дыша, в несколько приемов выговорил кормчий Вестмар. Он не столько правил, сколько опирался на руль. По его раскрасневшемуся лицу ползли крупные капли пота. – У меня с ночи все кости ломит. Как под каменным обвалом побывал... Не хотел говорить, да вот что-то... Не могу... И поясница болит, как будто мне уже под семьдесят! А теперь что-то голова... Плохо соображаю, где верх, а где низ.

– Очень сильно качает, – слабым голосом пожаловался один из хирдманов. – И прибой шумит, как будто я в воде головой...

– Тор и Мйольнир!* – Модольв с широким размахом хлопнул себя по бедрам. – Море гладкое, как вода в лохани, а прибой еле шепчет. Тролли и турсы!* Хродмар!

Но Хродмар не ответил, он даже не слышал. Он лежал на кормовом настиле, голова его бессильно моталась из стороны в сторону, глаза были закрыты, а лицо слабо, бессознательно кривилось. Дышал он тяжело и часто.

– Я вижу, нашему Щеголю хуже всех! – тяжело дыша, заметил один из десятников, Арнульв. Он старался держаться, но ему тоже было плохо. С трудом подняв руку, он отер мокрый лоб, и пальцы его дрожали. – Зря ты не хотел остаться на Остром мысу, Модольв. Эта хворь так просто от нас не отвяжется. Надо было переждать. А теперь как знать, найдем ли мы здесь какой-нибудь дом. Плыть дальше...

Вдруг он охнул, схватился за горло и поспешно перегнулся через борт. Его тошнило, как мальчишку, впервые попавшего на море.

– Надо на берег... – бормотал Вестмар, часто дыша и тоже, как видно, борясь с рвотным позывом. – И воды у нас...

– Отойди. – Модольв подошел и взял у него руль. – Полежи. Вон там удобная отмель. Мы идем к берегу. Ну же, мужчины, держитесь! – крикнул он, окидывая взглядом хирдманов на скамьях. Больше половины из них выглядело не лучше Вестмара. – Один я не справлюсь с «Тюленем»! Налегайте на весла, доберемся до берега – отдохнем! Остановимся в первом же доме, какой встретим!

– По бурной долине лосося мчится конь мачты... – бессмысленно бормотал Хродмар, и Модольв хмурился, слыша его голос. В хорошем настроении Хродмар любил говорить кеннингами, хотя не сочинил в жизни ни единой строчки настоящих стихов. Его увлечение немало забавляло товарищей, но сейчас Модольв был совсем не рад: Хродмар бредил. – Серая всадница волка смотрит из моря оленей... Пусть из тебя вырастет дерево, волчья пожива...

– Это все та ведьма! – проворчал Вестмар, улегшись рядом с Хродмаром. – Это она наслала на нас порчу. Почему мы ее не застрелили тогда? Стрелу пожалели!

– Что толку теперь говорить? – отозвался с ближней скамьи Колль. Глаза у него покраснели, словно не спал пять ночей подряд; он дышал с трудом, но держался, из последних сил налегая на весло. – От квиттинских ведьм не убережешься. Не надо было Хродмару с ней говорить...

– Ты еще скажи, что нужно было принести жертвы ее камню! – возмущенно отозвался Модольв. Он негодовал, как может негодовать доброжелательный человек, если вынужден при-

знать, что дела совсем плохи. – Не повторяй ее бредней! Вы перегрелись на солнце! Вот отдохнем как следует...

Он замолчал на полуслове. Из-за берегового выступа показалась громада бурого утеса с темно-зелеными пятнами мха, зловеще знакомая. Тюлений Камень.

Ингвильда и Вильмунд приблизились к песчаной отмели одновременно с чужим кораблем. На носу теперь можно было разглядеть тюленью голову с забавно ухмыляющейся мордой. Но корабль казался жалким и неуклюжим; еще издалека Ингвильда разглядела, что на половине скамей сидит всего по одному человеку и те едва справляются с веслами, а остальные лежат между скамьями.

– Они с кем-то подрались? – недоуменно спросила она, не отводя глаз от корабля. – Только половина живых...

– Не знаю... – пробормотал Вильмунд. – Да нет, не похоже. Следов битвы я не вижу. Весь корабль-то цел. И они вроде не раненые, повязок ни на ком нет.

Корабль ткнулся носом в берег и остановился. Прибой шевелил и качал его корму, он был похож на пловца, который из последних сил добрался до суши, рухнул головой на песок и не может даже вытащить из воды ноги.

– Э, посмотри! – Модольв вдруг заметил на берегу две человеческие фигурки: светловолосую стройную девушку и высокого парня. – Вот и люди! Значит, здесь близко жилье.

Оставив руль Вестмару, он перешел на нос корабля поближе к квиттам. Парень и девушка тоже спустились к самому берегу и теперь оказались так близко, что можно было видеть их лица.

– Эй! – закричал Модольв. – Добрые люди! Есть здесь поблизости какая-нибудь усадьба? Вы откуда?

– Скорее тебе следовало бы назвать свое имя! – вызывающе ответил парень.

Девушка поспешно положила руку на его локоть.

– Да, это округа называется Тюлений Камень, и здесь близко усадьба Прибрежный Дом, – крикнула она в ответ, тревожно глядя на Модольва. – Усадьба Фрейвида Огниво, хёвдинга западного побережья. А что у вас случилось?

– Нам нужна помощь! – Модольв обрадовался, что рядом есть такой могущественный человек. – Мы можем хорошо заплатить...

– Мой отец не держит гостинный двор и не берет денег со своих гостей! – строго ответила Ингвильда. – Если вам нужна помощь, он поможет и так. Что у вас случилось?

Модольв прыгнул с корабля и вышел на песок. По фигуре Вильмунда он только скользнул невнимательным взглядом, приняв его за хирдмана, которому поручено охранять хозяйскую дочь. Но в Ингвильде он признал знатную девушку: на это указывала ее одежда, белая рубаша и платье из синей шерсти, серебряные застёжки на груди и толстая серебряная цепь между ними. Руки ее были нежными и белыми, и держалась она со спокойным достоинством, без суеты и робости.

– Прости меня, ветвь ожерелий, что я недостаточно учтиво приветствовал тебя на твоей земле! – заговорил Модольв. – Но ты не осудишь меня, когда узнаешь о моей беде. Меня зовут Модольв Золотая Пряжка, я из Аскефьорда и прихожусь родичем конунгу фьяллей Торбранду. На моем корабле есть заболевшие. Мой племянник, Хродмар сын Кари, второй день лежит в бреду. Нет ли у вас в усадьбе лекарки? Я немало слышал о благородстве и гостеприимстве Фрейвида Огниво. Думаю, он нам не откажет.

Вильмунд многозначительно усмехнулся: вот как запел проклятый фьяль! Видно, дела у них совсем плохи.

– Мой отец не отказывает в гостеприимстве никому, – ответила Ингвильда.

Фьялли – не самые желанные гости в квиттинских домах, но этот человек с добрым и встревоженным лицом внушал ей сочувствие. Обещать приют и помощь она могла смело: Фрейвид принимал к себе в усадьбу любого, будь то оборванный бродяга или чужеземный хёвдинг с дружиной, повздоривший со своим конунгом и изгнанный с родины.

– Чем больны ваши люди?

– Я не лекарь и не берусь судить. Но у них лихорадка и ломота в костях.

– Я должна посмотреть. Я немного умею лечить.

Модольв благодарно наклонил голову и повернулся, чтобы вести ее к кораблю. Если дочь хёвдинга говорит, что немного умеет лечить, это означает, что за помощью к ней съезжается вся округа.

– Стой! – вдруг подал голос Вильмунд и крепко взял Ингвильду за плечо. – Ты не пойдешь на чужой корабль!

Она обернулась, мягко улыбнулась ему и решительно высвободила плечо из-под его ладони. Дочь Фрейвида хёвдинга не привыкла чего-то бояться на своей земле, да и чем ей могли грозить эти обессиленные люди, которые так явно нуждались в помощи?

– Я – родич конунга фьяллей! – сурово глядя в лицо Вильмунду, сказал Модольв. – Я не знаю твоего рода, ясень секиры, но едва ли он настолько хорош, чтобы ты мог обвинять меня в вероломстве!

– Я... – возмущенно начал Вильмунд.

– Перестаньте! – мягко, но решительно уняла их Ингвильда. – Я не жду от тебя вероломства, Модольв Золотая Пряжка. Вильмунд ярл, а тебе лучше пойти к хёвдингу и рассказать ему о гостях.

– Я никуда не уйду без тебя!

«Как хочешь», – легким пожатием плеч ответила Ингвильда и пошла к кораблю.

– Я перенесу тебя! – Модольв поспешно шагнул за ней. – Прости, Гевьюн* обручий, у моих людей нет сил вытащить корабль на берег.

Модольв взял девушку на руки и поднял на грудь, стараясь, чтобы даже брызги морской воды не попали на нее. Геллир, державшийся на ногах крепче других, протянул руки с корабля и перенес Ингвильду через борт.

– Пусть Один* и Фригт* наградят тебя, йомфру! – благодарно сказал он. – Мы уже дней пять неважно живем, а сейчас едва держим весла. Если нам никто не поможет, то плохо нам придется!

– Погоди меня благодарить. Я ведь не богиня Эйр*, и еще неизвестно, сумею ли я вам помочь.

Окинув взглядом людей на корабле, она тут же пожалела, что до богини Эйр ей далеко. Сразу было ясно, что дело нешуточное. Почти у всех фьяллей лица покраснели, глаза налились кровью, мокрые волосы липли к щекам и лбам. На корабле было человек пятьдесят, и из них полтора десятка лежали без сил.

Склоняясь то к одному, то к другому, она шла от носа к корме, и взгляд ее делался все суровей, брови сдвигались.

– Вот мой племянник! – сказал Модольв, шедший позади, и голос его дрогнул. – Он одним из первых захворал. Пожалуй, ему хуже всех. Что ты скажешь? Можно ему помочь?

Ингвильда обернулась и посмотрела на Модольва: он изо всех сил старался держаться невозмутимо, но эти торопливые вопросы, неуверенный голос, тревожный, почти молящий взгляд сразу выдали, как дорог ему его племянник и как он боится за него. Ингвильда опустилась на колени возле больного. Молодой фьяль был без памяти, его красное, пышущее жаром лицо блестело от пота, из обметанного приоткрытого рта дыхание вырывалось с хрипом, длинные светлые волосы слиплись и разметались по свернутому плащу, служившему подушкой.

Вильмунд тем временем взобрался на корабль и сидел на борту, собираясь прыгнуть на палубу. Вдруг Ингвильда обернулась к нему и поспешно вскрикнула:

– Нет! Вильмунд! Назад! Назад! Скорее уходи!

– Что такое? – удивленно спросил Вильмунд.

Лицо Ингвильды показалось ему странным – бледным и напряженным. Страх плескался в глазах, но усилием воли она сохраняла внешнее спокойствие.

– Уходи сейчас же! – строго повторила она и снова обернулась к лежащему фьяллю.

На его лице, на шее, на кистях рук она увидела мелкие красные пятнышки сыпи. От страшного подозрения у нее похолодело в груди. Взяв бессильную руку фьялля, Ингвильда осторожно перевернула ее ладонью вверх. На темной ладони, покрытой грубыми мозолями от весла и оружия, виднелись те же красные пятнышки сыпи.

Усомниться было невозможно. Ингвильда осторожно положила руку фьялля на палубу. Внутри у нее все задрожало, на лбу под волосами проступил холодный пот. Теперь она знала, что это такое. Но лучше бы никому такого не знать!

Верный своему обычаю, Фрейвид Огниво не отказал Модольву в помощи, но нельзя было брать в дом людей, больных «гнилой смертью», и хёвдинг решил разместить неожиданных гостей в землянке на той самой отмели, куда их вынесли волны. Фру Альмвейг не смела с ним спорить, но это известие привело ее в ужас. «Гнилая смерть» возле самой усадьбы! О такой напасти на Квиттинге не слышали уже много лет, но эта болезнь из тех, что способна за пару месяцев опустошить все побережье!

Копать землянку и переносить больных послали тех рабов, которых было наименее жалко. Узнав о том, что ее единственная дочь сама побывала на корабле и прикасалась к заболевшим, фру Альмвейг пришла в отчаяние и со слезами умоляла Ингвильду больше не приближаться к «Тюленю».

– Но им же нужно помочь! – убеждала ее Ингвильда. – Нельзя все бросить на одних рабов! Никто из наших женщин не умеет так лечить, как меня научила бабушка!

– От «гнилой смерти» нет никакого лечения! От нее избавляет только смерть!

– Нет, бабушка рассказывала, что помочь можно! Я помню все ее руны, травы и заклятья. А если мы бросим гостей умирать без помощи, то будем опозорены на весь Морской Путь!*

– Но зачем тебе самой туда ходить! Научи этим заклятьям Хильдигунн или Гудрун, если так уж нужно! Они умеют ходить за больными! Или пусть идет Хёрдис! Ей ничего не сделается – зараза к заразе не пристаёт!

– Я? – взвизгнула Хёрдис, как будто ее укусили. – Почему это я должна туда идти! Не пойду! Мне еще не надоело жить! Кто они мне, родичи или друзья, что я должна с ними возиться? Я не хочу идти к Хель* заодно с какими-то фьяллями!

Хёрдис не так уж боялась заразиться, но у нее были свои причины прятаться от неожиданных и невольных гостей Фрейвида хёвдинга. Услышав описание фьялльского корабля с тюленьей мордой на штевне и его хозяина с золотой пряжкой на животе, Хёрдис быстро сообразила, что это, должно быть, те самые люди, с которыми она побранилась возле Тюленьего Камня месяц назад. И вот они возвращаются с «гнилой смертью»! При мысли об этом в душе Хёрдис вспыхивали то ужас, то тайная тревожная радость. Ее проклятия сбылись! Ей хотелось верить в силу своего проклятия, но она и побаивалась: если кто-нибудь из фьяллей увидит и узнает ее, то ей несдобровать. Впрочем, ничего – в усадьбе они не бывают, она сама к ним не пойдет, а о той давней встрече она ни единым словом никому не обмолвилась. И на молчание Серого вполне можно положиться.

– Хёрдис там нечего делать! – сказала Ингвильда. – Она ничем не сможет им помочь. Нужно посмотреть, как они устроились. Этот человек, Модольв ярл, приходится родичем конунгу фьяллей. Не годится оставить без помощи такого знатного человека.

– Ох, да! – вздохнула Хильдигунн, которой тоже не слишком хотелось заразиться «гнилой смертью». – Ведь говорят: чужая беда может стать и твоей!

– Но и гостеприимство должно иметь разумные пределы! Ведь не зря говорят – все знает тот, кто знает меру!

– Не держи ее, хозяйка! – вмешался один из хирдманов, Оддбранд по прозвищу Наследство. Сын бывшего воспитателя Фрейвида был среди домочадцев на особом счету и единственный из всех мог расходиться во мнениях с самим хозяином. – Твоя дочь уже достаточно взрослая, чтобы самой решить, где ее место и в чем ее долг.

Тем временем вернулся Фрейвид. Два работника тащили за ним по большой охапке веток можжевельника. Хозяин велел сложить из них два костра на расстоянии двух локтей один от другого. Из мешочка на поясе он достал огниво – полоску железа, изогнутую так, чтобы удобно было держать ее в руке. Уже несколько веков это огниво передавалось в роду Фрейвида из поколения в поколение, и считалось, что оно приносит удачу и охраняет дом. С его помощью разжигали жертвенный огонь в святилище Стоячие Камни, и Фрейвид ценил его едва ли не больше всех своих сокровищ.

Выбив огонь, Фрейвид зажег обе охапки можжевельника и велел Ингвильде трижды пройти через дым. Она шла медленно, стараясь не кашлять, чтобы дым успел пропитать ее одежду и волосы.

– Вот и хорошо! – сказала Альмвейг, наблюдавшая за этим от дверей дома. – Теперь она, слава Одину и Фригг, не заболеет. Хёвдинг, прикажи ей больше не ходить туда! Ты ведь не хочешь лишиться своей единственной дочери!

– Со мной ничего не будет. – Ингвильда посмотрела на отца. – Я не боюсь. Вспомни, как сам Один пришел в гости к конунгу Гейррёду. Не хотела бы я, чтобы мой отец прославился таким же плохим гостеприимством.

– Что-то ни один из них не похож на бога, – проворчал Фрейвид. Но он не был боязлив, и смелость дочери, ужасавшая жену, ему самому казалась вполне естественной. Как говорится, всякий по-своему хочет прославиться! – Ну, иди, если тебе так хочется. Только возьми с собой огниво. Оно защитит тебя.

Ингвильда взяла у него огниво и повесила на цепочку под застежкой платья. В его тяжести был залог безопасности, и Ингвильда сразу почувствовала себя увереннее и даже взрослее, как двенадцатилетний мальчик, впервые ощутивший на поясе тяжесть настоящего меча.

– Я прикажу разложить можжевельниковый костер возле их землянки, и пусть все, кто ухаживают за больными, каждый день проходят через дым! – пообещала она.

– Это верно! – одобрил Фрейвид. – Я вижу, моя мать успела кое-чему тебя научить. Правду говорят, что в женщинах нашего рода есть особая сила. Вот только наследуют ее порой не те, кому надо...

Он бегло взглянул на Хёрдис, которая стояла возле угла дома, прижавшись к бревенчатой стене, как будто хотела стать незаметной, и молча наблюдала за происходящим. Ее темно-карие глаза сердито сузились, острый взгляд не отрывался от огнива на груди Ингвильды.

Это огниво давно не давало ей покоя. Про него рассказывают, что оно обладает волшебной силой и в умелых руках способно свернуть горы! Из рода Фрейвида вышло немало уважаемых женщин, славившихся мудростью, особыми способностями к лечению и даже к ворожбе, и всем им помогало это самое огниво, неприметное и черное, похожее на тысячи других. Но его берегли, как не берегут и золотые кубки, и только самой достойной из внучек бабушка передавала его перед смертью.

Ей, Хёрдис, ни разу в жизни не удалось даже подержать его в руках. Разве Фрейвид когда-нибудь признает самой достойной ее, дочь рабыни! А ей так хотелось попробовать свои силы! Особенно сейчас, когда несколько ее слов, брошенных почти случайно, оказали такое сильное и страшное действие. Теперь Колдунье не давала покоя мысль: если она с пустыми руками

сумела так много, то что же она сумеет с огнивом? Сам Сигурд Убийца Дракона* не так стремился к золоту Фафнира*, как она стремилась к этому кусочку черного железа. А по силе упрямства со старшей дочерью Фрейвида не смог бы тягаться не только Сигурд, но и сам дракон.

Фру Альмвейг хотела кое-что сказать мужу, но передумала и лишь сердито вздохнула. Не надо было заводить побочных детей, тогда все наследство, и зримое, и незримое, досталось бы детям законным! Фру Альмвейг обладала спокойным и вполне доброжелательным нравом, поэтому она много лет мирилась с тем, что под одной крышей с ней живут трое детей Фрейвида, рожденные от рабынь. Она не обижала их, но и радости ей это обстоятельство не приносило. От Йорейды, матери Хёрдис, к счастью, удалось избавиться еще лет двенадцать назад: один проезжий торговец с восточного побережья влюбился в нее и принес Фрейvidу двенадцать эйриров* – выкуп, который хозяин удачливой рабыни в этом случае по закону обязан принять⁷. Фрейвид легко отпустил Йорейду на свободу: странная темноволосая женщина, невысокая и смуглая, родом с какого-то далекого острова западных морей, она была довольно красива, но молчалива, неприветлива и подавляла людей одним своим присутствием. Она всегда была покорна, старательно выполняла самую грязную и тяжелую работу, но каким-то образом ухитрялась сохранять достоинство и даже величие осанки, поворота головы, взгляда больших темных глаз... Конечно, Фрейвид не мог обойти своим вниманием такую красивую и необычную женщину, но по-настоящему не любил ее и даже где-то в глубине души побаивался. Все же прочие всегда считали, что у нее дурной глаз. Прожив в усадьбе около десяти лет, она так и не научилась толком языку сэвейгов⁸ и лишь изредка произносила несколько самых необходимых слов своим хрипловатым, тоже странным, но таинственным и чарующим голосом, и каждое из них звучало у нее как чудодейственное заклинание. И никто не удивлялся тому, что богатый торговец с Белого мыса онемел, заведя ее среди прочих служанок, и до самого отъезда не глядел ни на кого другого.

Короче, Йорейда вышла замуж и уехала. Хёрдис тогда было всего восемь лет. Новый муж Йорейды отказался взять ее с собой, и женщина не настаивала, – выбирая между замужеством и дочерью, она предпочла замужество. Дочь, рожденная от хозяина, не нужна ни родному отцу, ни новому мужу матери, для самой Йорейды была лишь неприятным напоминанием о зависимом и унижительном положении. От этого напоминания она была рада избавиться, тем более что Хёрдис и в детстве была невыносима, как репей в башмаке.

Если кто-нибудь спрашивал Хёрдис, помнит ли она мать, та отвечала, что не помнит.

Женский покой в усадьбе Фрейвида располагался не в отдельной землянке в углу двора, как было принято в этой части полуострова, а в бревенчатой пристройке, примыкавшей к гриднице. В углу девичьей стоял на резной подставке старинный ларь, окованный бронзовыми полосами с причудливым узором. Давно, лет сто назад, прадед Фрейвида Ингард Говорящий Плащ привез его как добычу из чудесной страны Эриу, что на далеких западных островах. Ингарда прозвали Говорящим Плащом потому, что его плащ имел волшебное свойство – перед каждой битвой он произносил стихи, в которых предупреждал об ее исходе. Над этим рассказом часто смеялись – где же видано, чтобы плащ складывал стихи! И хороши же были эти стихи, должно быть! Но чудесный плащ не раз спасал прадеду жизнь, а наделила его этим свойством сестра Ингарда, владевшая в свое время родовым огнивом. Сестре Ингард и подарил добытый ларец. На дне рунами его же рукой была вырезана надпись: «Сей ларец принадлежит Ингигейде Мудрой». Потом он перешел по наследству к матери Фрейвида, Сигнехильде,

⁷ Действительно, существовал закон: если свободный человек желает взять в жены чужую рабыню, то хозяин обязан отпустить ее, причем сумма выкупа не должна была превышать установленную.

⁸ Сэвейги – общее название племен Морского Пути.

тоже прозванной Мудрой. Она была родом из далекого Северного замка, расположенного на самом северном острове Ледяного моря. Говорят, что за северным островом кончается мир людей и начинается Йотунхейм, страна ледяных великанов. Об этих великанах Сигнехильда много рассказывала внукам, Ингвильда выросла на преданиях Северного замка и считала его волшебной страной, пограничным рубежом между землей и небом.

Сигнехильда из рода северных ярлов обладала большими знаниями и далеко славилась как искусная лекарка и ворожея. В этом ларце она хранила целебные травы и прочие принадлежности своего искусства, и на его крышке изнутри были вырезаны три Целящие руны: «кано», «перт» и «инг».

Руны леса познай, коль лекарем хочешь ты стать
И ведать разные раны.
На лыке их режь и на листьях ствола,
Что вытянул ветви к востоку ⁹, —

вспоминала Ингвильда речи мудрой валькирии*, наставлявшей Сигурда в рунической мудрости. С самого детства Ингвильды фру Сигнехильда обучала понятливую и прилежную внучку, часто брала ее с собой, если ее звали к больному куда-то далеко. После ее смерти Ингвильда иной раз оказывала помощь, но редко бралась за дело, не слишком веря в свои силы. Ведь одних трав мало. Еще нужно уметь правильно выбрать и вырезать руны, правильно составить заклятье, способное прогнать болезнь. Если ошибешься, то сделаешь хуже. Поэтому до сих пор Ингвильда бралась только за легкие случаи.

Но теперь случай выдался явно не из легких.

Отперев замок, Ингвильда подняла крышку, вдохнула крепкую смесь запахов. В ее памяти этот запах так прочно был связан с образом бабушки, что Ингвильда невольно оглянулась – вдруг показалось, что сама Сигнехильда Мудрая встала у нее за плечом. Ах, если бы она и правда была сейчас здесь! Ингвильда закрыла глаза и как наяву увидела бабушку – еще не старую на вид, бодрую женщину с рыжими бровями, как у Фрейвида, с живыми светло-кариими глазами и тонкими морщинками у внешнего уголка век. Фру Сигнехильда всегда смотрела бодро и верила в свои силы. Ей удавалось вылечить и от «гнилой смерти», хотя от этой болезни чаще умирают, чем выздоравливают.

Сама Ингвильда видела больных «гнилой смертью» только один раз – семь лет назад, когда какие-то торговцы занесли эту болезнь на Острый мыс. Как раз было время тинга, но все в ужасе разбежались, и только Сигнехильде Мудрой удалось остановить заразу. Ингвильде тогда было всего одиннадцать лет, но в ее память врезались гнойные язвы, покрывавшие больных с головы до ног. Можно присыпать их мелким порошком сухой травы айра. Можно приложить примочки с отваром багульника и маслом. Порошок сухой травы чистотела можно растереть с маслом и медом. Земляника!

– Эй! – Ингвильда обернулась к двум девушкам-служанкам, шептавшимся в углу. – Идите в лес и нарвите побольше земляничных листьев. Там в Копейной долине много земляники.

Девушки испуганно посмотрели на нее, боясь, что она пошлет их к больным. Выпроводив служанок, Ингвильда снова принялась разбирать травы. «Березовые почки очищают кровь! – шептал ей голос бабушки. – А цветы боярышника укрепляют сердце». А при нарывах в горле бабушка велела полоскать отваром дубовой коры. И все это ей сейчас пригодится. Ингвильда раскладывала на коленях и на скамье возле себя душистые мешочки, и знакомые благодетельные запахи придавали ей уверенности.

⁹ «Старшая Эдда», перевод Б. Ярхо.

В девичью заглянул ее сводный брат Асольв.

– Не боишься? – спросил он, увидев, чем она занята. – Вижу, ты и правда собираешься к тем фьяллям. Может, все же обойдутся без тебя?

Асольв был добрым парнем, он любил Ингвильду и опасался за нее.

– Боюсь, – честно призналась она. – Если бы была бабушка! Я боюсь сделать что-нибудь не так – выйдет еще хуже.

– Конечно, ты можешь ошибиться, – согласился Асольв. – Но если ты ничего не будешь делать, они точно перемрут. Так что попробуй, раз уж тебе их жаль, – хуже не будет. Это, понимаешь, тот случай, когда хуже некуда. Мне так кажется.

При всей своей простоте это рассуждение вдруг успокоило Ингвильду. В самом деле – куда уж хуже!

– Асольв! – спохватившись, крикнула она брату, уже шагнувшему за порог девичьей. Асольв вернулся. – Найди большую шкуру или плотное одеяло и пошли кого-нибудь на отмель. Нужно будет завесить вход в землянку. Ну, хотя бы старый парус. Больные «гнилой смертью» не выносят света.

Асольв ушел, вслед за ним и сама Ингвильда отправилась на берег. Землянка была почти готова, рабы покрывали ее шатром, взятым с «Тюленя», другие тащили из близкого леса охапки мха и веток для лежанок. Корабль выволокли на берег, перенесли на песок тех фьяллей, кто уже не мог держаться на ногах. Из пятидесяти четырех хирдманов Модольва таких набралось не меньше тридцати.

И хуже всех было Хродмару. Он даже не заметил перемещения с корабля в землянку, лишь глухо стонал при каждом шаге рабов, которые его несли, – любое движение причиняло ему боль.

Модольв Золотая Пряжка беспокойно расхаживал по песку взад-вперед. Увидев Ингвильду, он удивленно вскинул седые брови.

– Ты снова здесь, липа льна! – воскликнул он. – Не думал я еще раз увидеть тебя! Как же хёвдинг позволил тебе прийти? Разве у него очень много дочерей?

– Я принесла травы твоим людям, – сказала Ингвильда, показав на короб в руках раба у себя за спиной. – Ты что-нибудь понимаешь в лечении?

– Я кое-что понимаю в ранах, разумеется, в простуде, могу вправить вывих, но с «гнилой смертью» я никогда раньше не встречался, слава асам!*

– А я встречалась с «гнилой смертью» и кое-что умею, хотя и не очень много. Так кто из нас двоих здесь больше на месте?

– Ради моего племянника я соглашусь на что угодно, – с мрачной решимостью заявил Модольв. – Даже оденусь в женское платье, как Тор в стране великанов, и стану распевать заклятья!

Ингвильда представила пузатого бородача Модольва в женском платье; ей стало смешно, но из уважения к его беде она сдержала улыбку и спросила:

– У тебя здесь племянник?

– Ну да. Ты видела его. Это у него ты нашла на руках сыпь.

– Ведь это не первая сыпь? За несколько дней до того она тоже появлялась?

– Да, но потом исчезла. Мы и внимания не обратили сначала...

– Вы думали, что все прошло и что вообще все это пустяки. При «гнилой смерти» так и бывает. И сыпь была не у него одного?

– Нет. У многих. И сейчас у многих есть.

– Значит, приготовься к испытанию, Модольв ярл. Скоро из твоей дружины мало кто останется на ногах.

Модольв мрачно посмотрел на Ингвильду – мало кого порадует подобное предсказанье.

И она оказалась права. Через три дня из пятидесяти четырех хирдманов на ногах осталось не больше пятнадцати. Маленькие пятнышки на лице Хродмара за два дня увеличились, потемнели и превратились в пузыри размером с горошину, налитые мутно-серой жидкостью. Каждый пузырь был обведен красным ободком и имел маленькую впадинку в середине. Сначала они появились на лице и на руках, но быстро расползлись по телу. К этому времени такие же пузыри высыпали на коже у других фьяллей. Было больно говорить, трудно дышать; они почти ничего не ели, так как и глотать было очень больно. Ингвильда велела варить жидкую кашу из толченого ячменя, делать жидкий творог, которым товарищи кормили больных с ложки. Для смягчения боли Ингвильда сама вливала им в рот тщательно отмеренные капли отвара багульника, заставляла полоскать горло отваром дубовой коры. Это немного помогало, но все же «гнилая смерть» причиняла немало страданий. По изуродованным лицам мужчин ползли слезы, и они с трудом отворачивались от входа в землянку, не вынося даже слабого света.

Племянник Модольва, заболевший первым, первым проходил страшную дорогу. На пятый день у него усилился жар, вся кожа покраснела и натянулась, так что каждое движение причиняло мучительную боль. Глаза его налились кровью, веки опухли, – Ингвильда содрогалась при каждом взгляде на него и думала, что ожившие мертвецы, должно быть, не так страшны. Она не знала, каким племянник Модольва был до болезни, но сам Модольв, почти не отходивший от Хродмара, постарел от горя, и Ингвильде было жаль его даже больше, чем больного, который почти ничего не сознавал.

Вечерами, когда у них выдавалось свободное время, Ингвильда и Модольв часто сидели на берегу вдвоем. Модольв рассказывал ей о своем племяннике, как будто надеялся уговорить самих норн* переменить их жестокое решение.

– Не могу поверить, что боги так жестоки и хотят отнять у меня Хродмара! – говорил Модольв. – Мой сын Торгард погиб еще семь лет назад, когда ему было лишь двадцать, и с тех пор только Хродмар – все мои надежды и мое счастье. Мне жаль, что ты не знала его раньше, йомфру. Ты тогда поняла бы, отчего я так горюю. И узнала бы, как заплачут все женщины в Аскефьорде. Ведь Хродмар самый красивый парень во всем Фьялленланде! Среди молодых ему нет равного во всем! И в битве, и в беседе он был лучше всех!

– Еще будет! – утешала его Ингвильда. Ей очень хотелось сказать что-нибудь более ободряющее, но любые слова казались слишком бледными и пустыми рядом с такой бедой. – Не надо говорить «был». Он крепкий парень и непременно поправится.

– Да, да. Ты права, конечно. Я верю, – твердил Модольв, словно заклинал. – Я охотно отдал бы мою жизнь, если бы этим мог дать ему здоровье. Не могу думать о моей сестре, его матери. Он ведь у нее остался единственный сын! У них с Кари ярлом было четверо детей. Хродмар – третий. До него были мальчик и девочка, после него еще мальчик, но все они умерли очень быстро, только девочка дожила до полутора лет, а остальные двое прожили еще меньше. Стейнвёр и Кари не на кого надеяться, кроме него. Говорили, что его достоинств хватило бы на четверых! И это правда! Не может быть, чтобы он понадобился Хель прямо сейчас! Если бы ты знала, как его ценит Торбранд конунг! Когда мы с ним были в Граннланде прошлой зимой, в него влюбилась дочь тамошнего конунга. Она сама предлагала ему увести ее. Он не захотел – она, бедняжка, не слишком-то красива. А ему нужна такая же красивая жена, как он сам!

Ингвильда сочувственно кивала, подозревая в душе, что всеми этими достоинствами племянник обладал скорее в воображении любящего дяди, чем на самом деле. Тот Хродмар, которого она за эти дни узнала, не имел ничего общего с красотой и доблестью.

Сейчас никто не отличил бы прекрасного знатного ярла от последнего раба. Гнойные маски, в которых терялись воспаленные глаза, бессознательные хриплые стоны, отвратительный гнилостный запах могли бы смутить кого угодно, но Ингвильда старалась не поддаваться

страху и отвращению. Это была ее битва, и она собиралась выдержать ее с достоинством настоящего воина. За себя она не боялась – в восемнадцать лет собственная смерть кажется слишком далекой, даже если чужая сидит на самом пороге.

Через несколько дней в землянке обнаружился первый мертвец. Ингвильда ждала этого, даже знала, кто первым умрет, но все равно огорчилась.

– Бедный Торд! – бормотал Модольв. Ингвильда удивилась, каким образом он еще различает своих людей. – Прикажи вашим людям готовить погребальный костер, йомфру, – с тяжелым вздохом добавил он. – Не могу поверить, что Торд пойдет к Хель. Он был славным воином и заслужил другую посмертную участь!¹⁰

– Но ведь вы были в походе! – попыталась утешить его Ингвильда. – Может быть, Один рассудит, что он погиб в битве с болезнью!

– Можно надеяться, что так... – бормотал в ответ Модольв, но среди морщин на его лбу, в его отсутствующем взгляде Ингвильда ясно читала ужас перед тем, что скоро и его племяннику, быть может, придется идти этим черным путем в подземелье... Не такого конца ему желали бы все, кто его любит!

Не сказав ничего Модольву, Ингвильда велела работникам готовить дров побольше. Она помнила, чему ее учила Сигнехильда – на девятый-десятый день больные «гнилой смертью» начинают умирать. Срок настал, и мертвецы пойдут вереницей.

Уже к вечеру в землянке было еще три покойника.

Всю ночь Модольв не спал, а ходил между больными, склонялся к лицам, ловил ухом звук трудного дыхания. К утру умерло еще четверо, а у Модольва заметно прибавилось седых волос. Но племянник его еще дышал, хрипло и со свистом, – он не хотел умирать. Ингвильда посматривала на него с недоверчивым любопытством: первым заболев, он первым должен был скончаться. Однако он отчаянно цеплялся за жизнь, и это бессознательное упрямство в борьбе с самым страшным врагом вызывало невольное уважение и даже восхищение. Кое-что из того, что о нем рассказывал Модольв, определенно было правдой!

– Хродмар, ты же такой молодой! – горестно приговаривал Модольв, стоя перед лежанкой с молитвенно сложенными руками и глядя в страшную гнойную личину, под которой не видел, а только по памяти угадывал черты племянника. – У тебя впереди еще столько подвигов! Ну, подумай хотя бы о своей матери. Подумай: с Дозорного мыса поднимется дымовой столб, люди узнают «Тюленя» и по всем усадьбам и дворам закричат: «Корабль во фьорде!» Твоя мать бросит все дела, прибежит на берег, вытирая руки о передник, увидит корабль, а тебя на нем не увидит... У нее разорвется сердце, она упадет и умрет прямо там, на берегу! Каково ей будет узнать, что ты умер на Квиттинге от «гнилой смерти», погиб от проклятия квиттинской ведьмы!

– Какой квиттинской ведьмы? – Ингвильда обернулась. – Я знаю, фьялли всех квиттинок считают ведьмами. Но это неправда! Ты же видишь, что я не ведьма!

– Ты – нет, добрая Фрейя* золота, это я вижу! – со вздохом ответил Модольв. – Но не все такие, как ты! Когда мы плыли на юг к Острому мысу, с нами повздорила какая-то ведьма. Это было не так уж далеко отсюда – возле утеса, кажется, он называется Тюлений Камень. У нее был волк, а мы приняли его за простую собаку. Хродмару не стоило ввязываться с ней в перебранку, но он такой – никому не позволяет себя задирать. А эта ведьма набросилась на нас безо всякой причины! Она своими чарами сбросила Хродмара в воду, а он с досады метнул в нее нож. Она увернулась, а потом пообещала, что нам не будет удачи, а из Хродмара скоро вырастет дерево. И вот – мы не нашли того, что искали на Остром мысу, а Хродмар...

¹⁰ В подземное царство Хель, по древнескандинавским верованиям, попадают только умершие от старости или болезни. Погибшие в битве попадают в Валхаллу и пируют там с Одином и другими павшими героями.

– Этого не будет! – решительно ответила Ингвильда. – Из него не вырастет дерево. У нас в округе, слава асам, нет никаких ведьм, не считая нашей Хёрдис, конечно. Никакого проклятия не было, он выздоровеет. Он молодой и сильный, он упрямый и любит жизнь. Он будет жить! Я знаю. Возле него сидишь ты один, а духа-двойника* рядом нет.

– А ты умеешь видеть духов? – Модольв настороженно посмотрел на нее.

– Женщины нашего рода знают много тайного. Здесь, в Прибрежном Доме, мы живем летом, а на зиму перебираемся во внутреннюю усадьбу. Она называется Кремнистый Склон, и до нее ехать пять дней в глубь полуострова. Она лежит неподалеку от Раудберги. Знаешь эту гору? Там древнее святилище. Оно называется Стоячие Камни.

– То, из которого квитты прогнали великанов? Это в Медном Лесу?

– Да, раньше там было святилище великанов. Один великан и сейчас еще живет неподалеку.

– Ну, это бредни! – отмахнулся Модольв.

– Ничего не бредни! – строго возразила Ингвильда. – Я сама видела его не раз. Его зовут Свальнир – Стылый, и он живет в Великаньей долине. А под горами Медного Леса когда-то давно жило чудесное племя – я не знаю точно, люди это были или альвы. Их называли ундербергами – «подгорными». Много поколений назад, когда люди только пришли к Раудберге, этот народ давал о себе знать. Ундерберги не могут выходить из-под гор днем, потому что не выносят солнечного света, но они оставляли свои товары в пещере. Ее называют Меняльной пещерой, я была в ней. Только сейчас в нее уже никто не приходит, и никакого хода в глубь горы там нет. Мы с Асольвом, когда были маленькими, все пытались его найти. Говорят, они замуровали ворота, когда уходили в последний раз. Не знаю, существуют ли ундерберги теперь. А в те времена один из моих предков даже сосватал себе в жены женщину из этого племени. Ее звали Синн-Ур-Берге, Синн Из-Под-Горы. Она принесла нам много тайн. От нее все наши знания и способности. Правда, моей сестре досталось больше силы, чем мне, но может быть...

– А что же я не вижу здесь твою сестру? Я даже впервые слышу, что у тебя есть сестра! Что же она не поможет тебе?

– Она боится «гнилой смерти».

– Тогда никаких волшебных сил в ней нет! – отрезал фьялль. – По-настоящему мудрые люди ничего не боятся.

– Да, – согласилась Ингвильда. – Как ни странно!

Шесть суток Ингвильда и Модольв по очереди сидели возле Хродмара, прислушиваясь к его тяжелому дыханию. Ночью на седьмой день нарывы на его лице начали вскрываться. Серая гнилая жидкость вытекала, сохла на коже, застывала желто-бурой коркой. Вскрывшиеся язвы Ингвильда велела обкладывать листьями земляники, присыпать порошком корня аира, мазать мазями из багульника и сушеницы. На это лицо нельзя было смотреть без содрогания, но Ингвильда уверяла Модольва, что это хороший знак.

– Те, кто умерли, умерли раньше этого! – с воодушевлением и почти с радостью, порожденными надеждой, говорила она. – Раз гнойники вскрываются – значит, он может выжить! Ведь я говорила! Ты помнишь? Он выживет! Только не позволяй ему и другим чесаться. От этих корок у них будет страшный зуд, но моя бабушка говорила, что если позволить расчесать их до крови, то они непременно умрут.

Ее радость мог бы понять воин, в разгар долгой и жестокой битвы вдруг ощутивший, что ряды противника дрогнули и начинают подаваться назад. А противницей Ингвильды была сама Хель! Впервые ей приходилось выдерживать такую жестокую битву почти без помощи, без чужих советов и наставлений. От первого робкого проблеска успеха у нее вдруг прибавилось сил и всю усталость как рукой сняло. Она ощутила себя другим человеком – еще не таким

мудрым и умелым, как была бабушка Сигнехильда, но уже на пути к этому! Ингвильда ликовала в душе, словно сама родилась заново.

– Должно быть, бабка многому успела научить тебя, – заметил Модольв. – И смелость твоя достойна дочери знатного рода. Как, ты говоришь, называлось то чудное племя – ундерберги?

– Ты знаешь, духи умерших предков сопровождают живых, – сказала Ингвильда. – И моя бабка сейчас со мной. Еще когда я увидела на отмели ваш корабль, мне как будто кто-то изнутри подсказал, что у вас беда. Это была она.

Модольв окинул горестным взглядом темную землянку. С каждым из этих людей он жил под одним кровом, ел один хлеб, делил скамью на корабле, трудности походов, опасности битв, радость побед и сладость добычи и славы. Каждый из этих людей был ему родным, и он не мог без боли думать о том, что кого-то еще заберет ненасытная Хель. Кого? Хрольва или Ульва? А может, Эгиля? Лейва Большого? Чтобы его новорожденный сын, появившийся дома, в Аскефьорде, за время их путешествия, никогда в жизни не увидел отца?

– Да, я теперь часто думаю о вмешательстве духов! – со вздохом сознался Модольв. – Послушай, йомфру... Я слышал, у вас тут есть какой-то священный камень, где живет тюлень... Может, если мы принесем ему жертвы, он помилует моих людей?

– Большой Тюлень гневается, если ему не приносят жертв, когда проплывают мимо. Мой отец принес жертвы в тот же день, как вы здесь появились, – чтобы мор не перекинулся на усадьбы в округе. И Большой Тюлень уберег нас. А вам теперь... Конечно, он не откажется от жертв и сейчас, но я боюсь, что проку будет немного... И знаешь, я впервые слышу, чтобы он насылал болезнь. Раньше он мстил только дурной погодой и встречным ветром. Ну, еще плохой ловлей.

Три следующих дня были для Модольва самыми мучительными. Он не отходил от племянника ни на шаг и не выпускал его руки из своих, не давая расчесывать желто-бурую корку, покрывавшую все тело. Для верности руки Хродмара привязывали к лежанке, он стонал и метался, и Модольв страдал, как если бы сам был болен.

– Неужели он все-таки умрет после всех этих мучений! Я не знаю, как я вернусь к моей сестре Стейнвёр и скажу ей, что ее единственный сын умер! – твердил он Ингвильде и чуть не плакал, даже не пытаясь сохранять внешнюю невозмутимость. – Лучше бы умер я сам!

Теперь, когда появилась надежда на выздоровление, потерять племянника было бы вдвойне горько.

Зато как же счастлив был Модольв увидеть, что корки начинают отпадать! Сначала от них очистилось лицо, потом шея, потом руки, туловище, ноги. Как птенец из скорлупы, как змея из старой кожи, Хродмар заново рождался на свет. Теперь он был в сознании, и, хотя говорить от слабости еще не мог, кровавые отеки исчезли и на Модольва смотрели знакомые голубые глаза.

Увы! Только глаза и остались от прежнего Хродмара сына Кари. Все лицо его покрывали шрамы от вскрывшихся гнойников, от этого кожа стала бугристой, ее сплошь усеяли впадины и выступы. Черты лица переменились до неузнаваемости. Ни друг, ни кровный враг не узнали бы его теперь. Но Модольв себя не помнил от радости, что племянник выжил и снова со временем окрепнет. На перемены в его внешности он не обращал внимания, полагая, что со временем и это пройдет.

Дружина потеряла умершими двадцать семь человек, и Модольв говорил, что еще ни в одном боевом походе ему не случалось нести таких тяжелых потерь. Прах погребли в общем кургане, насыпанном неподалеку от отмели, на опушке ельника. Но остальные понемногу выздоравливали. День за днем лица больных очищались от гнойных корок, силы понемногу возвращались к ним.

Убедившись, что прямая опасность миновала, Фрейвид хёвдинг стал приглашать Модольва в усадьбу. Но его племянник еще не вставал и не покидал землянку, и Ингвильда по-прежнему приходила сюда каждый день. На Хродмара она смотрела с тайным удовлетворением, чувствуя нечто похожее на материнскую гордость: ведь он был первым, кого она вылечила от страшной, смертельной болезни! Только на ладонях у него еще оставалось немного сухой шелухи, а лицо совсем очистилось. Его нынешнее лицо, покрытое множеством мелких шрамов и рытвин, с расплывшимися, почти неразличимыми чертами, могло бы испугать непривычного человека, но Ингвильда не была к нему слишком строга. Хродмар, живой и почти здоровый, казался ей творением ее собственных рук, а ведь, как говорится, всяк свою работу хвалит!

Однажды Ингвильда принесла ему жидкой каши. Он уже мог есть, хотя был еще слаб, как новорожденный младенец. Один из хирдманов приподнял его, Ингвильда села на край лежанки, держа горшок с кашей на коленях.

– Сейчас будем кушать, – бормотала она, поудобнее устраивая горшок на коленях. – Кашка вкусная! От нее ты сразу поправишься...

Она говорила, как могла бы говорить ребенку, и ее обычная застенчивость была забыта: она привыкла, что в этой землянке ее не видят и не воспринимают, а значит, смущаться нечего. Набрав в ложку каши и пробуя губами, не горячо ли, Ингвильда подняла глаза и вдруг встретила взгляд Хродмара. Он смотрел на нее в упор, и ясная осмысленность его взгляда почему-то поразила Ингвильду. В ее душе что-то сдвинулось, и внезапно она осознала, что рядом с ней находится человек, а не страдающее животное, каким он был до сих пор. Сразу в памяти ее всплыли все рассказы Модольва о гордости его племянника, для которого даже дочь конунга граннов была недостаточно хороша, и она немного смутилась. Но тут же ей стало любопытно: так какой же он, Хродмар сын Кари, гордость Аскефьорда, ее руками возвращенный к жизни?

– Кто ты такая? – тихо, хрипло спросил Хродмар. Ингвильда едва разобрала его слова.

– Я – дочь Фрейвида Огниво, хёвдинга Квиттингского Запада, – ответила она. – Ваш корабль вынесло к нам на берег, неподалеку от нашей усадьбы. Она называется Прибрежный Дом. У вас тогда уже больше половины людей были больны, а ты был без памяти. С тех пор скоро месяц. Вот-вот будет Середина Лета.

– Где Модольв? Мой родич? – спросил Хродмар, и в его глазах мелькнуло острое, болезненное беспокойство.

– Он ушел в усадьбу, поужинать с моим отцом, – успокоила его Ингвильда.

– Он... не болел?

– Нет, он не заразился. Он ухаживал за тобой, как родной отец. Тебе повезло, что у тебя такой преданный и заботливый родич.

Хродмар вяло кивнул. Да, похоже, повезло.

Прошел месяц! Скажи она, что прошел год, Хродмар не удивился бы. Времени для него не существовало. Эта темная душная землянка казалась ему подземельем Хель, полным боли и отчаянья. И сейчас еще Хродмар с трудом мог поверить, что все кончилось, что скоро он выйдет из подземелья Хель на свет и воздух. И выход недалеко – вон висит бычья шкура, а по краям ее золотится дневной свет. И больше не режет глаза и не вонзается в мозг, как раскаленный клинок.

– Ты дочь хозяина? – Хродмар снова посмотрел на сидящую возле него девушку. – Почему ты?

Он говорил коротко, сберегая силы, но Ингвильда его понимала.

– Потому что я не боюсь, – просто объяснила она. – Вот, посмотри! – Она показала огниво Фрейвида, висевшее у нее на цепочке под крупной серебряной застежкой платья. – Это чудесное огниво, оно защищает наш род от всяких бед. И от болезней тоже. Я хожу здесь среди вас

с самого первого дня и, видишь, не заболела. Ты лучше ешь, а не разговаривай. Поговорить успеешь потом.

Прищурившись, Хродмар старался рассмотреть девушку, сидящую возле него. Еще во время болезни он неосознанно замечал светлую тень, бесшумно скользившую вокруг и склонявшуюся над ним, но тогда ему было не до того и он даже не задавался вопросом, кто она такая. Даже сейчас стройная красивая девушка с золотистыми волосами, такая невозмутимая и деятельная среди больных и умирающих, казалась скорее светлым видением, чем живым человеком.

И Хродмар вдруг подумал, что хорош же он был, валяясь здесь, залитый гноем. Когда-то давно – в прошлой жизни, той, что была до болезни, целую вечность назад, – он носил прозвище Щеголь. Никто во всем Аскефьорде не одевался так красиво – в вышитые рубахи, цветные плащи с каймой, и даже ремешки на сапогах у него были цветные – то красные, то зеленые. И он-то, Хродмар Щеголь, теперь наилучшим нарядом почитает собственную кожу, которая больше не причиняет ему мучительных страданий при каждом движении. Хочешь – подними руку, хочешь – повернись на другой бок. Можно даже попытаться встать – только голова еще кружится от слабости. Раньше Хродмар не знал, какое это счастье – свободно распоряжаться собственным телом.

– Поешь кашки, – ласково повторила девушка и прикоснулась губами к ложке, еще раз проверяя, достаточно ли каша остыла. – Скоро тебе захочется есть, как волку.

Хродмару было стыдно, что она обращается с ним как с новорожденным младенцем. Ему хотелось бы предстать перед ней одетым и умытым как следует! Но по правде сказать, сил у него было не больше, чем у младенца.

Постепенно до него доходило все то, что она ему рассказала. Они в гостях у Фрейвида Огниво, хёвдинга Квиттингского Запада. И эта девушка – его дочь! Именно гостеприимству Фрейвида они обязаны тем, что в эти страшные дни у них был хоть какой-то приют и помощь. А ведь совсем не так им стоило бы предстать перед этими людьми!

Но девушка, ничего этого не замечая, поднесла к его губам ложку с кашей.

– Надо есть! – с мягкой властью, как мать ребенку, сказала она. – Ты же хочешь скорее вернуть свои силы и отправиться домой? Должно быть, твоя мать заждалась тебя. Тотой ей будет радости тебя увидеть!

Да, хотя бы мать ему обрадуется всегда. Пусть он и явится домой, не выполнив поручение конунга...

С этого дня Хродмар стал быстро набираться сил. Ясность сознания вернулась к нему, он стремился поскорее встать на ноги и приобрести достойный вид, чтобы разговаривать с Ингвильдой стоя или сидя, но не лежа. Модольв заметил, что, когда дочь Фрейвида находится в землянке, взгляд его племянника почти не отрывается от нее, и сердце ярла ликовало: вернувшийся интерес к женщинам говорил о том, что и жизнь вернулась к Хродмару. Лечебные травы сделались не нужны, и лучшим лекарством для Хродмара стала она сама и ее присутствие.

Теперь дни не казались Хродмару одинаковыми, каждый из них знаменовался новой победой. Он уже мог садиться, есть без посторонней помощи, уже мечтал о том, чтобы встать на ноги и выбраться из землянки. Через открытый вход он слышал поблизости шум моря и стремился увидеть его, как стремятся к встрече с дорогим человеком.

Однажды Хродмар проснулся оттого, что Ингвильда мягко погладила его по лицу. Открыв глаза, он повернулся и поймал ее руку. И сейчас он вдруг впервые ощутил себя не больным, над которым склонилась сиделка, а просто мужчиной, которого разбудила милая ему девушка.

– Вставай! – тихо сказала Ингвильда, стараясь не тревожить других, у кого было меньше сил. – Вставай и пойдем. Модольв поможет тебе.

– Куда? – прохрипел Хродмар.

– Она говорит, что сегодня День Высокого Солнца! – прошептал ему Модольв. – А эту деву очень даже стоит послушать! Поднимайся.

Хродмар удивленно покосился на дядю – тот был воодушевлен, как будто ждал чего-то очень хорошего и радостного. Модольв помог ему надеть рубаху и штаны, поднял его и повел к выходу из землянки.

За порогом Хродмар сел на бревно и прислонился спиной к стене, закрыв глаза. Рассвет только занимался, но свет и воздух оглушили его. Но они же показались ему лучше всех сокровищ – ведь он мог бы никогда больше не увидеть их!

Открыв глаза, Хродмар жадно взглянул на море. Оно мягко покачивало мелкие волны на всю ширь, сколько хватало глаз, ясное и равнодушное к людским горестям, но Хродмару показалось, что море улыбается ему, тоже радуясь новой встрече.

Но чего-то не хватало. Ингвильды нигде не было.

– А где... – начал Хродмар, оглядываясь.

Модольв его понял.

– Вот, посмотри! – сказал он, показывая куда-то в сторону моря. – Ради этого стоило выбраться из норы, а?

Хродмар проследил за его рукой. На берегу, чуть в стороне, он увидел большой черный камень, стоячий валун. А на самой вершине валуна виднелась стройная фигурка девушки с распущенными золотистыми волосами. Подняв руки навстречу солнцу, она стояла, как будто собиралась взлететь. И сейчас Хродмар со всей остротой и силой ощутил счастье оттого, что выжил и будет жить. Все это – море, небо, солнце и девушка, похожая на валькирию-лебедя из старинного сказания, – заново развернуло перед ним жизнь и все ее сокровища.

Глава 2

На праздник Середины Лета в Прибрежный Дом съехалось много гостей. Еще накануне к мысу подошел большой корабль под красно-синим парусом, с волчьей головой на штевне. На носу корабля стоял рослый мужчина лет тридцати с красным плащом на плечах. Это был Гримкель Черная Борода, брат кюны* Даллы. Стюрмир конунг прислал его за Вильмундом, которого Гримкель ярл после праздника должен был отвезти к отцу.

Весь день у Ингвильды не было времени передохнуть: с утра готовили угощение для пира, в полдень Фрейвид с гостями и домочадцами приносили жертвы богам, жертвенной кровью кропили стены дома и постройки усадьбы, оружие, сети – все, от чего зависело благополучие людей и что нуждалось в благословении богов. А они с матерью и служанками тем временем готовили дом к приему гостей: усыпали пол нарезанным тростником, на бревенчатых стенах развесили тканые ковры. Боги, великаны, герои древних времен смотрели со стен на богато накрытые столы, серебряные кубки и чаши, бронзовые и медные блюда, ярко начищенные и сиявшие, как маленькие солнца. Для самого Фрейвида был вынут из сундука старинный золотой кубок с красными полупрозрачными камешками, вправленными в затейливый узор и мерцавшими, как багровые угли. Говорили, что этот кубок происходит из приданого той самой Синн-Ур-Берге и приносит мудрость и справедливость суждений тому, кто из него пьет.

Не меньше двух сотен гостей разместилось за двумя длинными столами вдоль стен. Гримкель Черная Борода сидел напротив хозяина, как самый почетный гость. К удивлению Ингвильды, Гримкель оказался знаком с Модольвом.

– Как, Золотая Пряжка, ты еще здесь? – воскликнул он, увидев фьялля среди гостей за столом напротив. Ингвильду пробрало нехорошее предчувствие: Черная Борода не славился учтивостью, зато стал очень заносчив после того, как выдал сестру за конунга. – А я думал, ты давно уплыл домой, под защиту вашего Рыжебородого и его козлов ¹¹.

– Не забывай, Гримкель ярл, что ты говоришь с моим гостем! – веско напомнил Фрейвид. – А все мои гости вправе рассчитывать на уважение.

– Я никогда не отказываю в уважении достойным людям. Но почему этот человек у тебя?

Волнуясь, Гримкель ярл дергал бровями и теребил в руках нож, которым резал мясо. При его высоком росте и могучем сложении эта мелкая беспокойная суетливость выглядела странной и неприятной: казалось, на глазах у всех крупная глыба развалилась на множество мелких кусочков и каждый кусочек зажил своей собственной жизнью. Все гости настороженно ожидали, во что выльется эта беседа.

– Болезнь задержала меня и моих людей на Квиттинге, – сдержанно ответил Модольв. Он тоже не обрадовался встрече с Гримкелем, но, хотя лицо его омрачилось, он старался не показывать неудовольствия. – Уже недолго нам осталось испытывать терпение достойного Фрейвида хёвдинга.

– Болезнь? – переспросил Гримкель. – А я думал, они все еще вынюхивают, где бы им купить железа побольше и подешевле. На Остром мысу достойным фьяллям показалось дорого!

– Каждый имеет право сам решать, не много ли с него запрашивают за товар, – ответил Модольв. – И уносить назад свои деньги, если цена покажется чрезмерной. Особенно если продавец явно хочет ссоры.

¹¹ Имеется в виду бог Тор, покровитель племени фьяллей. Будучи богом грозы, он носит рыжую бороду, а ездит в колеснице, запряженной двумя козлами, которые являются символами плодovitости.

Ингвильда беспокоилась все больше. До сих пор ей не приходило в голову спросить, зачем «Тюлень» ходил к Острому мысу. Теперь же она видела, что с самой этой поездкой все было не так просто.

– Ссоры хочет кто-то другой! – не унимался Гримкель, не желая замечать предостерегающих взглядов хозяина. Его суетливая горячность, подергивание бровей, запинаящаяся речь могли бы показаться смешными, но все знали, что в державе квиттов этот человек обладает нешуточным весом. – Вы думаете, мы не знаем, зачем вашему конунгу столько железа? Фьялли всегда были жадными. Но теперь вам мало вашей земли! У вашего конунга двое сыновей! Оба они еще не доросли до настоящих мечей, а ваша кюна хочет, чтобы оба они были конунгами! Скажешь, это не так?

– Знаешь ли ты, Гримкель сын Бергтора, что говоришь о моей родственнице? – сурово спросил Модольв и поднялся на ноги. – Кюна Бломменатт – племянница моей матери, и я никому не позволю говорить о ней непочтительно. До ее сыновей и ее желаний тебе нет никакого дела. И если квитты не хотят торговать железом и получать за него серебро, то они могут оставаться при своем железе и... и хоть есть его.

– Вот как! Нам нет дела до ваших конунгов! – закричал Гримкель и тоже вскочил. — Ошибаешься! Думаешь, мы дураки? Вы думаете, что все квитты дураки? Что мы не знаем, зачем вам понадобилось наше железо? Ошибаешься! Мы все знаем! Все знают, что жена подбивает Торбранда конунга к походу на Квиттинг. Не выйдет! У нашего конунга тоже два сына! Мы наше железо вам забьем в глотку, только попробуйте разинуть пасть на нашу землю! Клянусь рукой Тюра!*

– Праздник Середины Лета – не время для раздоров! – воскликнул Фрейвид, не давая Модольву ответить. – Вы оба – мои гости, и я никому не позволю устраивать ссоры в моем доме, даже родичам конунгов! Не гневите богов и не навлекайте их гнев на мой дом!

Соседи постарались унять Гримкеля и Модольва, усадили обоих на места. Но Ингвильда еще долго не могла успокоиться. Она не любила Гримкеля и боялась, что он не упустит случая затеять с Модольвом новую ссору. Бабушка Сигнехильда никогда не допустила бы, чтобы ее гостей кто-то обижал, будь обидчик хоть трижды родич конунга!

Ингвильда недолго просидела за столом: после перепалки настроение у нее испортилось. Выскользнув на кухню, она принялась собирать в большую корзину хлеба, куски жареного мяса и рыбы. Проводя в землянке фьяллей весь день и даже часть ночи в течение последнего месяца, она теперь чувствовала себя там в большей степени дома, чем в усадьбе. «Правильно говорила бабушка, – думала она, – гораздо сильнее привязываешься не к тому, кто сделал тебе что-то хорошее, а к тому, кому сделал добро ты сам!»

Возле очага Ингвильда заметила Хёрдис. Сидя на земляном полу вместе со своим псом, та обглаживала ногу жареного зайца. Серый пес смотрел ей в рот, тонко поскуливая, и нетерпеливо стучал хвостом по полу. Обгрызенные косточки Хёрдис бросала псу, и тот с жадным чавканьем принимался за них.

– Что ты сидишь здесь, как бродяжка? – спросила Ингвильда мимоходом. – Иди в гридницу. Там есть еда и получше этого зайца.

– Сама иди в гридницу! – с обычной своей неприветливостью ответила Хёрдис. – А для меня там слишком шумно. Там такие благородные гости, что где уж найти местечко для дочери рабыни!

На самом деле Хёрдис пряталась от Модольва и очень злилась на него за то, что его присутствие не позволяет ей попасть в гридницу, где целые горы отличной еды!

– Э, отдай! – Заметив на блюде у Ингвильды хороший кусок оленины, Хёрдис проворно выхватила его. – Куда это ты тащишь столько мяса?

– В землянку к фьяллям, – ответила Ингвильда, вылавливая из котла другой кусок на замену. – У них ведь тоже Середина Лета.

– Вот еще! – возмутилась Хёрдис. – Этим паршивым, вонючим фьяллям ты выбираешь самое лучшее мясо, а родной сестре...

– Я же тебе говорю: иди в гридницу! – с досадой ответила Ингвильда. – Ты-то не больная и сама можешь о себе позаботиться. Или прикажешь мне кормить тебя с ложечки?

– Разве что ядом! Кто я такая? Зараза и бездельница, от которой вы не знаете как избавиться. А вот была бы я знатным фьялленландским ярлом – тогда другое дело! Ты, должно быть, влюбилась в этого урода! Хорошая парочка для тебя, нечего сказать! Ну, поди поцелуйся с ним!

Хёрдис очень надеялась этими насмешками восстановить сестру против гостей, которые в любой день могли ей рассказать о встрече возле Тюленьего Камня. Но Ингвильда заранее знала, что скорее скала поплывет, чем Хёрдис скажет о ком-нибудь доброе слово. Не отвечая, она взяла со стола круглое серебряное блюдо, переложила на него кусок жареных медвежьих ребер и поставила в корзину, где было уложено остальное угощение.

– Эй, Брим! – Она оглянулась и кивком подозвала старика раба. – Бери корзину, понесем на отмель. Тебя я не зову! – бросила она, мельком глянув на Хёрдис. – Своим ядовитым дыханием ты можешь отравить все вокруг, как сам Фафнир!

Приближаясь по тропе к землянке, Ингвильда еще издалека увидела, что возле порога сидит человек. Длинные светлые волосы, еще не просохшие после мытья, блестели у него на плечах, и Ингвильда не сразу сообразила, кто это. Подойдя ближе, она узнала Хродмара. Как видно, он решил, что пора ему перестать болеть: на нем была нарядная крашеная рубаха, зеленые ремешки красивыми крестами обхватывали ногу. Пояс с серебряными бляшками и подвесками был затянут как полагается, только оружие он оставил в землянке.

– Какие у тебя красивые волосы! – сказала Ингвильда, подойдя ближе. – Я даже не сразу поняла, что это ты.

– Хорош же я был! – с усмешкой ответил Хродмар.

Он был так счастлив снова ощутить себя живым и почти здоровым, что все вокруг казалось ему прекрасным. Его сердце открылось, хотелось без конца говорить, смеяться. И ни с кем в целом мире Хродмар не стал бы беседовать так охотно, как с Ингвильдой. Вспоминая свою болезнь, он именно в Ингвильде видел тот светлый луч, который вывел его обратно к жизни. Будь она простой рабыней, он и тогда испытывал бы к ней благодарность и постарался сделать для нее что-нибудь хорошее в ответ. Но она была не рабыней, а знатной девушкой, равной ему происхождением и воспитанием, и в его чувствах к ней благодарность смешалась с уважением, восхищением, даже благоговением. Она казалась ему богиней нового, возрожденного мира, премудрой Фригг, но только совсем еще юной и прекрасной и... еще не встретившей своего Одина.

Ингвильда присела на бревно рядом с ним. С тех пор как Хродмар начал подниматься и разговаривать, приходить в землянку стало гораздо приятнее. День за днем Ингвильда убеждалась, что в похвалах Модольва племяннику содержалось гораздо больше истины, чем она думала поначалу. Пожалуй, она уже была недалеко от мысли, что даже любящий дядя не воздает ему должного целиком. Конечно, о красоте сейчас и речи быть не могло, но в каждом его движении сквозило столько гордого достоинства, что это само по себе вызывало уважение. Взгляд его ярких голубых глаз был умным и острым, и Ингвильде хотелось лучше узнать того, кого она спасла от смерти.

Напрасно она опасалась, что родич и любимец конунга окажется самовлюбленным болваном, не способным говорить и думать ни о чем, кроме собственных подвигов. Хродмар был неизменно приветлив и вежлив с ней, ее приход был ему всегда приятен. В каждом его слове, в самом звуке голоса звучала признательность за то, что она сделала для него и дружины, и Ингвильда уже верила, что сердце у него горячее и благодарное.

– Я принесла праздничное угощение. – Ингвильда сделала Бриму знак открыть корзину и вынула оттуда серебряное блюдо. – Ты любишь медвежьи ребра? Выбери, что тебе нравится, а остальное раздадим вашим.

– А, так ты уже считаешь, что я в силах справиться с каким-нибудь китом дубравы! – обрадованно сказал Хродмар и взял кусок ребра. – А я уж думал, что мне придется весь остаток жизни питаться кашей из толченого ячменя!

– Так это правда, что ты сочиняешь стихи? – спросила Ингвильда. «Кит дубравы» вместо простого «медведь» привел ей на память слова Модольва о том, что его племянник «почти скальд».

– Нет, неправда, – со вздохом ответил Хродмар. – Я не умею сочинять. Когда-то, лет десять назад, я мечтал о славе скальда. Меня учили, я знаю все, что требуется знать. Вот, медведь, например. – Хродмар качнул в руке медвежье ребро. – Я знаю все его хейти*. В стихах медведя называют бродягой, бурым, рыжим, косялапым, сумрачным, лесником, жадным, зубастым... Можно назвать его китом дубравы или тюленем леса... Но это же еще не стихи! Я придумал столько кеннингов, что ими можно загрузить большой корабль. Модольв говорит, что мне пора продавать их скальдам, по эйриру* за десять штук. Я все жду, когда же из этих кеннингов сложится хоть один стих, а он все никак не приходит. Как ты думаешь – придет когда-нибудь?

– Когда-нибудь придет! – подбодрила его Ингвильда. – Может быть, даже скоро.

– Может быть, – согласился Хродмар и посмотрел ей в глаза. – Я ведь теперь родился заново. Все теперь будет по-другому.

Сами по себе эти слова не имели отношения к Ингвильде, но взгляд Хродмара вдруг смутил ее.

– Мне все кажется даже лучшим, чем было раньше, – продолжал он. – Я сижу здесь почти весь день и все люблю море. Я прожил на берегу моря всю жизнь – у нас прибрежная усадьба – и только сейчас увидел по-настоящему, какое оно красивое. А небо! – Хродмар поднял голову, а Ингвильда не могла отвести глаз от его лица. Уродливые следы нарывов ее не смущали – ведь другим она его не знала, и во всем облике, в каждом слове и движении Хродмара ей виделось что-то особенное, что-то важное и значительное, отличавшее его от прочих людей.

– Знаешь, какой стих я хотел бы сочинить? – понизив голос, спросил он, и у Ингвильды вдруг часто забилося сердце. – Про это утро, про этот рассвет. Про то, как я увидел Фрейю обручий¹² на лбу кости Имира...¹³ Про то, как светлая Суль* всходила над долиной тюленей¹⁴ и над морем лосей¹⁵. И про то, что для меня это утро было как новое рождение... Ты понимаешь?

Ингвильда кивнула. Стихи о женщине слагает тот, кто хочет добиться ее любви. Она не знала, как оценить этот несложный стих, – то ли Хродмар хочет сказать о себе, то ли о ней... Или о них двоих. Хродмар говорил о том новом, что родилось в них обоих, о той битве со смертью, которую они оба выдержали и тем обновили весь свой мир, взглянули на землю и небо другими, очищенными глазами и увидели прежде всего – друг друга...

Хродмар накрыл ее руку своей, и от волнения у нее перехватило дыхание; было радостно и тревожно, и хотелось, чтобы это никогда не кончалось.

– Ингвильда! – вдруг раздался рядом голос Вильмунда.

¹² Фрейя обручий – кеннинг женщины.

¹³ Кость Имира – кеннинг камня, так как, по преданию, камни возникли из костей первобытного великана Имира.

¹⁴ Кеннинг моря.

¹⁵ Кеннинг леса.

Ингвильда вздрогнула от неожиданности, вырвала руку из руки Хродмара и быстро обернулась. Со стороны усадьбы быстрым шагом приближался Вильмунд. В честь торжества он был одет в нарядную желтую рубаху, вышитую красными узорами, с серебряной гривной* в виде змеи, подпоясан широким поясом с серебряными бляшками. А лицо его, не под стать праздничному наряду, было недовольным, почти злым.

– Куда ты убежала? – раздраженно спросил он, подходя. Взгляд его, скользнув по Ингвильде, устремился к Хродмару. – Тебя все ищут, а ты сидишь здесь с... – Он запнулся, поскольку добрых слов для Хродмара у него не было, а оскорбить гостя он не мог себе позволить. – Как будто лучше места не нашла! – раздраженно окончил он.

С самого первого дня Вильмунд невзлюбил фьяллей: сначала он твердил, что опасается за здоровье Ингвильды, потом стал ворчать, что она, дескать, проводит в землянке дни и ночи, он совсем ее не видит, она совсем его забыла и не находит даже времени сказать ему слово!

Хродмар окинул его пронизательным взглядом. Он впервые видел Вильмунда и ничего о нем не знал, но вид и поведение того были достаточно красноречивы.

Прежде чем Ингвильда успела ответить, Хродмар поднялся на ноги. Незаметно он придерживался рукой за стену землянки, но стоял с гордо поднятой головой. Здоровый или больной, он никому не позволял обходиться с собой непочтительно. И Ингвильда, уже открывшая было рот, не стала вмешиваться.

– Не знаю твоего рода, дуб щита, но мой род достаточно хорош, чтобы место рядом со мной было достойно благородной женщины, – медленно и ясно выговорил Хродмар. – И если ты захочешь убедиться в этом, то я даже не стану ссылаться на свою болезнь.

Вильмунд упер руки в бока и презрительно усмехнулся:

– Я не бился и не буду биться с человеком, который едва держится на ногах и должен опираться о стену, чтобы не упасть. А что касается женщин, то едва ли тебе теперь стоит надеяться на их любовь. Тебя теперь полюбит разве что какая-нибудь троллиха, такая же уродливая, как ты сам!

– Вильмунд! – возмущенно вскрикнула Ингвильда. – Не смей! Он ничего тебе не сделал!

– Зато я не уверен, что он ничего не сделал *тебе*! – резко ответил Вильмунд. Он давно заподозрил, что племянник Модольва привлекает Ингвильду не только как больной, нуждающийся в ее заботе, но раньше ему было стыдно сознаться в своих подозрениях. – С тех пор как эти фьялли здесь, ты от них не отходишь, как будто все они – твои братья! После праздника я уеду, но даже если бы я уехал месяц назад, то потерял бы немного! Ты бы и не заметила! С того самого дня я тебя почти не видел! Ты даже ночевать не всегда приходила в усадьбу, а мне запретила приходить сюда!

– Глупый! Ведь я боялась, что ты заразишься! Двадцать семь человек умерли, ты понимаешь, умерли! Я не хотела, чтобы конунг лишился наследника!

– А сама ты, я вижу, не боялась заразиться! – запальчиво отвечал Вильмунд. – Даже сейчас, в последний мой вечер здесь, ты сидишь с этим...

– Так ты, оказывается, сын конунга! – удивленно, но без робости протянул Хродмар. – Странно! У нас сыновья конунгов лучше умеют владеть собой. Ни один из сыновей Торбранда конунга не задирает гостей, хотя им всего девять и одиннадцать лет.

– Ты не мой гость! – с вызовом ответил Вильмунд. – И я...

– Зато он *мой* гость! – решительно перебила его Ингвильда и встала между ними. – И если ты, Вильмунд сын Стюрмира, хоть немного дорожишь моей дружбой, ты сейчас же прекратишь эту нелепую ссору. Ты ведешь себя недостойно! Ты слишком много пива выпил за столом!

– Ага, а он ведет себя достойно! – яростно воскликнул Вильмунд. Заступничество Ингвильды разожгло его ревность, и он уже не способен был осознать, как мало эта ссора украсит его в ее глазах. – Кто он такой! Ты его знаешь неполный месяц, а заступаешься за него, как за родного брата! Ты с ума сошла! Ты посмотри, на кого он похож!

– Он не трогал тебя!

– Да, он не трогает мужчин! Он трогает только женщин! Думаешь, я не видел, как он хватал тебя за руки? А что было, пока я не пришел? А теперь он просто прячется за твоей спиной! Узнаю доблесть фьяллей!

Ингвильда услышала за спиной вздох, а потом ладони Хродмара мягко легли ей на плечи и бережно, но решительно отодвинули ее с дороги.

– Оскорбляя меня, ты не прибавляешь себе чести, визгливый щенок, и только, – спокойно сказал Хродмар. – Но когда твой дурной язык касается чести йомфру Ингвильды...

Вильмунд видел, что его противник безоружен, поэтому он не стал хвататься за меч или нож, а просто сжал кулаки и подался вперед. Ингвильда ахнула: она помнила, с каким трудом Хродмар сегодня утром дошел от своей лежанки до порога. И ее поразила уверенность, с какой он шагнул навстречу Вильмунду. Кажется, впервые она увидела его во весь рост со стороны; сейчас лица его было не видно, и никто не подумал бы, что он едва оправился после тяжелой болезни. Гордость заставила его собрать в кулак все силы, накопленные за прошедшие дни. Быстрым и точным движением он поймал руку Вильмунда, занесенную для удара, и сильным толчком опрокинул противника на песок. Все-таки он был на семь лет старше и обладал опытом, который Вильмунду только предстояло приобрести.

– Нет, стойте! – Опомнившись, Ингвильда бросилась вперед. – Прекратите! Вильмунд! Опомнись! Не сейчас! Уймись, или ты от меня больше ни одного слова в жизни не услышишь, клянусь богиней Фригг!

Вильмунд поднялся на ноги, закусив губу и сжимая ладонью запястье другой руки. Его глаза горели таким бешенством, какое Ингвильда видела один раз в жизни – в лице берсерка* Гроди Снежной Бороды. Она снова встала между ним и Хродмаром, и теперь ему уже не удалось бы ее отодвинуть.

– Мало чести... – задыхаясь, выговорил Вильмунд, минуя взглядом Ингвильду и с ненавистью глядя на Хродмара. – Потом скажут... Потом, когда ты окрепнешь и возьмешь свое оружие...

– В любой день, когда ты посчитаешь нужным, – ответил Хродмар, и его дыхание тоже прерывалось: он был еще слишком слаб. – Моим врагам не приходится долго меня искать. А когда найдут, многие начинают жалеть об этом.

– Полгода тебе хватит?

– Да, через полгода никто не упрекнет тебя в том, что ты бился с больным, – согласился Хродмар. – Мы встретимся с тобой в первый день праздников Середины Зимы. Назови место.

– Здесь. – Вильмунд криво усмехнулся и сплюнул на песок. – Зачем искать другое?

– Один и Тор пусть будут свидетелями. – Хродмар вынул из-под рубахи маленький серебряный молоточек-торсхаммер, один из тех амулетов, какие носят на груди все мужчины племени фьяллей. – Если только я буду жив и вправе распоряжаться собой – я буду здесь.

– Клянусь Одноруким Асом – тебе не придется ждать меня! – Вильмунд в свою очередь показал свой, квиттинский амулет – серебряную руку Тюра.

Ингвильда молчала, не вмешиваясь больше.

Вильмунд ушел в усадьбу, широко шагая и не оглядываясь. Но его гнев и досада остались: они так и висели над берегом.

Хродмар снова сел на бревно, глубоко вдохнул.

– До чего же хорошо, что опять не больно дышать! – тихо сказал он. – Когда я там валялся, мне казалось, что вместо воздуха я вдыхаю кипящую смолу... А что этот Фрейр меча так на меня набросился? – помолчав, спросил Хродмар. – Он кидается на всех гостей твоего отца, или это я так ему не понравился?

Ингвильда села рядом с ним и вздохнула. До Середины Зимы еще далеко, но боги были призваны в свидетели клятвы, и через полгода Вильмунд и Хродмар сойдутся в поединке. Из-за чего, кому это нужно? Ах, отчего Стюрмир конунг не забрал своего наследника еще после Праздника Дис*, когда сам был здесь, и не отправил в летний поход куда-нибудь к бьяррам?

– Значит, это я так ему не понравился. – Хродмар сделал вывод из ее молчания. – Он твой жених? Почему ты мне не сказала?

– Он вовсе мне не жених! – горячо воскликнула Ингвильда и сама вдруг устыдилась своей горячности. – Во все нет! – тихо добавила она.

– Тогда какое право он...

Хродмар вдруг запнулся, словно о чем-то вспомнил. Постепенно до него доходило все то, что ему высказал Вильмунд и чего он в горячке ссоры не заметил сразу. Оглянувшись, он взял с земли блюдо с медвежьими ребрами, с небрежностью богатого человека выкинул дорогое угощение на землю, перевернул блюдо и заглянул в его гладко отполированное светлое дно. Ингвильда ахнула, схватила его за руки, стараясь помешать, но было уже поздно. Он уже все увидел.

Некоторое время Хродмар внимательно разглядывал свое лицо. Потом он выпустил из рук блюдо, и оно мягко упало на песок. Отвернувшись, Хродмар медленно опустился на землю, словно у него больше не было сил стоять. Потом он закрыл лицо руками. Ингвильда вспомнила слова Модольва: «Ведь он самый красивый парень во всем Фьялленланде». Был. Должно быть, самому Хродмару это безразлично.

А Хродмар лег на землю, опустил голову на руки, как будто ему было противно смотреть на свет. Даже его затылок и спина выражали такое болезненное отчаянье, что сердце Ингвильды перевернулось от жалости.

– Хродмар! – Она села рядом с ним и положила руку ему на спину, потом погладила по волосам. Волосы, отмытые после болезни, были очень красивы и свивались в мягкие колечки на концах. Хродмар не пошевелился. – Хродмар, перестань! – умоляюще заговорила Ингвильда. – Не слушай Вильмунда. Он дурак! – решительно добавила она, всей душой негодуя на товарища своего детства.

– Нет, он все правильно сказал, – глухо выговорил Хродмар, не оборачиваясь. – Я похож на старого тролля. Я не подумал... Я был так рад, что выжил... Но что я выжил *таким* ... Что это... Это останется навсегда?

– Нет, – слабо возразила Ингвильда, не слишком веря своим словам. – Со временем... Кожа снова станет почти белой, как раньше, а эти рубцы немного сгладятся... Будет не так заметно... – сказала она, не отваживаясь на прямую ложь.

– Значит, это навсегда, – сказал Хродмар, по-прежнему не поворачиваясь. – Раньше меня звали Хродмар Щеголь. Теперь меня будут звать Хродмар Рябой. Или Хродмар Тролль.

Он глухо вздохнул, и этот вздох был похож на стон. Он понимал, что мужчине не годится так много значения придавать своей красоте, но смириться с тем, что отныне у тебя будет *такое* лицо, было нелегко. Сейчас Хродмару казалось, что он никогда не наберется мужества повернуться к свету, никогда больше не сможет радоваться жизни или хотя бы прямо смотреть на людей. С таким лицом среди людей не место. С таким лицом следует жить в троллиных подземельях.

– Хродмар! – Ингвильда снова погладила его по спине, как ребенка, который упал и ушибся. Голос ее был таким жалобным, как будто это она больна и просит о помощи. – Лицо – это ерунда. Вот у нас в Кремнистом Склоне есть один человек, Ульв Однорукий, пастух. Он еще молодым так сильно обжегся на пожаре, что ему отняли кисть правой руки. И ничего! Он приспособился все делать одной рукой и остался таким же веселым, и все девушки его обожали! Он женился потом на Ауд, она очень красивая. У нее все руки-ноги

целы, и приданое было неплохое, то есть она вполне могла выбрать здорового парня. А выбрала Ульва и вовсе не считала, что ее муж чем-то хуже других. Я сама все это знаю, потому и говорю.

Но Хродмар, похоже, ее не слушал – история незнакомого пастуха не могла его утешить.

– Ты смела, как валькирия, – отозвался он. – И как ты могла столько времени сидеть рядом со мной, смотреть на меня и не убежала прочь от страха!

– А почему это я должна была убежать? – неожиданно возмутилась Ингвильда. – Я не трусиха. Конечно, теперь никто не скажет, что ты хорош собой, как сам Бальдр*, но мужчине вовсе не обязательно быть красивым. Доблесть мужчины совсем не в красоте. И мне казалось, что ты сам должен об этом знать!

Теперь она говорила от всей души. Когда Хродмар шагнул навстречу Вильмунду, хотя сам едва держался на ногах от слабости, в ней что-то сдвинулось так сильно и решительно, что обратной дороги этому чувству уже не было. Вся его фигура была полна той гордой внутренней силы, которая превыше любого недуга, уродства, даже увечья. Все ее накопленные за эти дни впечатления о Хродмаре получили завершение и вошли в ее сердце как нечто цельное, новое, изменяющее душу. Его ужасное лицо внезапно осветилось в ее глазах ярким негасимым светом. Хродмар словно стал частью ее самой, и ей была не нужна его красота.

Хродмар медленно повернулся, приподнялся на локтях и сел. У Ингвильды немного отлегло от сердца.

Он смотрел в море, словно не решался взглянуть на нее. Море все так же улыбалось, равнодушное к человеческим бедам и разочарованиям, гордое лишь собственной красотой и силой.

– Да, – наконец сказал Хродмар. – Я об этом знаю. И теперь мне придется привыкнуть к мысли, что самым красивым во мне будет мой меч. К моей Грозе Щитов, слава Тору, не пристаёт зараза. Но ваш визгливый молодой конунг прав – теперь меня полюбит разве что троллиха!

Ингвильда передвинулась и села так, чтобы видеть его лицо. Хродмар бросил на нее беглый взгляд и снова отвел глаза. Ему было стыдно, что еще сегодня утром он мог мечтать о любви такой красивой девушки.

– Вильмунд наговорил глупостей, а ты повторяешь! – с упреком сказала Ингвильда. – Только глупые женщины ищут красивых мужчин. Умные женщины ценят силу, великодушие, достоинство. А тебе разве нужна любовь глупых женщин?

Хродмар снова поднял на нее глаза и теперь смотрел долго. Его лицо чуть-чуть смягчилось. После своей болезни он доверял Ингвильде, как самой богине Фригт, и сейчас не мог ей не поверить.

Ингвильда сама взяла его за руку и сжала ее обеими руками.

– Да, – тихо сказал он. – Наверное, ты права. Любовь глупых женщин мне не нужна. И я сейчас подумал – а может, мне хватит любви одной-единственной женщины? Такой, как ты.

Когда начало темнеть, Гримкель Черная Борода оставил свое почетное место напротив хозяйского и вышел из дома. От крепкого пива фру Альмвейги его чуть пошатывало, но зато вечерний воздух казался необычайно теплым и душистым, ветер с моря пел приветливую песню. С пригорка, на котором стояла усадьба, было видно множество костров, разложенных окрестными жителями в честь Высокого Солнца. Где-то за перелеском пели и смеялись.

Остановившись сначала у дверей большого дома, Гримкель прислонился к косяку. Ему тоже хотелось петь. На язык просилась песня про Бьёрна, который пять лет провел в плаваньи, а потом пристал наконец к берегу и та-ак напился... И та-аких дров наломал... Гримкель слышал эту песню от одних барландских торговцев на последнем пиру у Стюрмира конунга, и она ему очень понравилась, вот только он никак не мог вспомнить, что же случилось с тем Бьёрном на берегу!

Вечер был так хорош, что Гримкеля потянуло пройтись. Он решил сходить к берегу и посмотреть, как там «Красный Волк» и не разбежались ли к кострам и девушкам хирдманы, оставленные его сторожить. На ходу он покачивался и распевал строфы о похождениях Бьёрна (в основном собственного сочинения), так что окрестные тролли плакали от смеха, зажав зубами кончики хвостов. Для удержания равновесия он взмахивал руками выше плеч и иногда выкрикивал: «Штормит! Эка разгулялась нынче погодка!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.